

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

НАЗНАЧАЮТСЯ.

Окончившій псаломщическій классъ Иванъ *Зубковъ*—и. д. псаломщика къ ц. с. Санкоуць, Хотин. уѣзда, 16 ноября.

Окончившій псаломщическій классъ Иванъ *Колестра*—и. д. псаломщика къ ц. с. Войнеско, Кишин. уѣзда, 22 ноября.

Исправ. обязан. псаломщика при ц. с. Горешть, Кишиневскаго уѣзда, и. д. псаломщика къ ц. с. Старыхъ-Рошканъ, Бендерскаго уѣзда, 12 ноября.

Псаломщикъ Николаевской церкви города Оргѣва Андрей *Маринеско* діакономъ къ той же церкви съ оставленіемъ на псаломщической вакансіи, 14 ноября.

Окончившій псаломщическій классъ Михей *Куркъ*—и. д. псаломщика къ ц. с. Варницы, Бендер. уѣзда, 23 ноября.

ПЕРЕМѢЩАЮТСЯ.

Ц. с. Старыхъ-Теленешть, Оргѣвскаго уѣзда, псаломщикъ Яковъ *Кирица*—къ ц. с. Оницканъ, того же уѣз., 23 ноября.

Ц. с. Капакліи-Ноу псаломщикъ Димитрій *Спинеи*—къ ц. с. Цаганка, Измаильскаго уѣзда, 23 ноября.

Ц. с. Васіень Кишинев. уѣз. псаломщ. Елисей *Поповичъ*—къ ц. с. Паланки, Оргѣвскаго уѣзда, а испр. обязан. псал. при ц. с. Паланки Михаилъ *Кичилянъ* и. д. псаломщ. къ ц. с. Васіень, Кишиневскаго уѣзда, 23 ноября.

Болград. Преобр. Собора и. д. псал. Христофоръ *Александровичъ* къ ц. с. Капаклія-Ноу, Изм. у., 28 ноября.

Ц. с. Татарештъ. Орг. у., псал. Василій *Маданъ* къ ц. с. Сирецъ, Кишин. у., 28 ноября.

Времен. исправ. обязан. псаломщ. при ц. с. Курчи, Измаильскаго уѣзда, Симеонъ *Помазанъ* и. д. псаломщ. къ Констан. Еленин. ц. г. Рени, 23 ноября.

Псаломщ. діак. ц. с. Каплевки, Хотинскаго уѣзда, Николай *Долгій*—къ ц. с. Курчи. Измаил. уѣзда, 23 ноября.

Псалом. діак. ц. с. Кобылки, Оргѣев. уѣзда, Іоаннъ *Поклитарь*—къ ц. с. Каплевки, Хотин. уѣзда, 23 ноября.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ЗАШТАТЬ СОГЛАСНО ПРОШЕНИЮ.

Ц. с. Сирецъ, Кишин. у., псаломщикъ Иванъ *Маданъ*, 28 ноября.

Ц. с. Бордючъ, Хот. у., свящ. Андрей *Семинелъ*, 26 ноября.

ОТЧИСЛЯЮТСЯ ОТЪ МѢСТА.

И. д. псаломщ. церквей с. Старыхъ-Рошканъ Иванъ *Волошинъ* и с. Делакеу Косма *Престеско*, Бендерскаго уѣзда, и села Кугурлуй, Бендерскаго уѣзда, Григорій *Ожога* за поступленіемъ на военную службу, первые два съ 6, а послѣдній съ 14 ноября.

Исправл. обязан. псал. при ц. с. Оницканъ, Оргѣевскаго уѣзда, Иванъ *Бешети* и с. Варницы Андрей *Палій*—за поступленіемъ на военную службу, 23 ноября.

◆
II.

Епархіальныя извѣстія

СПИСОКЪ

ПРАЗДНЫХЪ СВЯЩЕННИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.

Наименованіе села и уѣзда.	Число душъ муж. пола.	Количество зем- ли (дес. саж.).	Жалованья отъ казны
<i>Кишиневскаго уѣзда:</i>			
С. Сараторезештъ	245	—	400
<i>Оргѣевскаго уѣзда:</i>			
С. Изворы	304	32	400

Хотинскаго уѣзда:

С. Должокъ	522	33	400
С. Ревкоуцы	357	33	400
С. Бордюгъ	567	33	—
С. Поляна	873	33	—
С. Пригородокъ	544	33	400

Аккерманскаго уѣзда:

С. Будаки (предстоитъ раздѣленіе прихода на два)	1416	97	—
--	------	----	---

С п и с о к ъ

ПРАЗДНЫХЪ ПСАЛОМЩИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.

Наименованіе села и уѣзда.	Колич. душъ муж. пола.	Количество зем. ли. (дес. саж.).	Жалованья отъ казны.
<i>Кишиневскаго уѣзда:</i>			
С. Каршинены	2114	99	1200
С. Ханска 2 мѣсто	1549	66	—
С. Логонешты	852	38	400
<i>Сорокскаго уѣзда:</i>			
С. Надушита	984	33	—
<i>Измаильскаго уѣзда:</i>			
Болградскій соборъ штатное діаконское мѣсто	3608	60	—
С. Ларгуца	987	400	—
Николаев. м. Леово (Филипены)	732	14	400
Предм. г. Изм. «Броска»	761	99	—
<i>Оргѣвскаго уѣзда:</i>			
С. Татарешты	396	33	400
С. Кобылка	1395	43	—
С. Старые Теленешты	394	33	400
<i>Аккерманскаго уѣзда:</i>			
М. Байрамча 2 мѣсто	1024	—	100
<i>Бѣлецкаго уѣзда:</i>			
С. Окю-Албъ	779	33	—
<i>Бендерскаго уѣзда:</i>			
С. Делакеу	620	33	400
С. Кугурлуй	381	33	400

УМЕРШІЙ.

Ц. с. Ниморень, Кишиневскаго уѣзда, священникъ Андрей
Львовскій—19 ноября.

III.

Отъ Кишиневской Духовной Консисто­ріи.

1.

Журнальнымъ постановленіемъ Общепархіального Съѣзда депутатовъ отъ духовенства и церковныхъ старостъ Кишиневской епархіи, отъ 13 октября 1911 года за № 17, утвержденнымъ Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Серафимомъ, Епископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ 20 октября 1911 года, по вопросу о приобрѣтеніи для Кишиневскаго Каѳедральнаго собора въ память 100-лѣтняго юбилея присоединенія Бессарабіи къ Россіи на средства всего духовенства епархіи ковчега, евангелія, креста, потира и семисвѣщника, опредѣлено: на приобрѣтеніе названныхъ священныхъ предметовъ для Кишиневскаго Каѳедральнаго собора внести жертву изъ собственныхъ средствъ духовенства Кишиневской епархіи въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ 5% нормы, вносимой духовенствомъ епархіи на содержаніе Епархіального женскаго училища, сборъ каковой жертвы произвести, чрезъ окружныхъ благочинныхъ, при отчетности за 2-е полугодіе сего года въ суммѣ приблизительно 3500 руб. Въ виду сего, Кишиневская Духовная Консисто­рія предлагаетъ духовенству епархіи внести окружнымъ благочиннымъ при сборѣ за 2-е полугодіе 1911 года свою жертву въ указанномъ размѣрѣ, *) а благочиннымъ представить ее въ январѣ 1912 года непосредственно въ Строительный Комитетъ по ремонту Каѳедральнаго собора, Консисто­ріи же объ этомъ донести.

*) Означенныя вещи уже заказаны въ г. Москвѣ у Оловянешникова.

2.

Вслѣдствіе отношенія Епископа Владикавказскаго и Моздокскаго, отъ 12 октября 1911 года за № 12066, о приглашеніи духовенства Кишиневской епархіи къ добровольному сбору пожертвованій на устройство санаторіи на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ для дешеваго или даже бесплатнаго лѣченія бѣднѣйшаго духовенства Россійской Имперіи, Кишиневская Духовная Консисторія, согласно опредѣленію ея, Его Преосвященствомъ утвержденному 17 ноября 1911 года, предлагаетъ духовенству Кишиневской епархіи направлять свои лепты на сооруженіе названной санаторіи въ Владикавказскую Духовную Консисторію.

3.

Вслѣдствіе отношенія Комиссіи по организаціи церковнаго сбора въ пользу Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ, отъ 5 октября 1911 года за № 234, о производствѣ по церквамъ Кишиневской епархіи 5 и 6 декабря 1911 года тарелочнаго сбора въ пользу сего Общества, разрѣшеннаго опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 10—24 мая 1911 года за № 3350, напечатаннымъ въ № 43 Церковныхъ Вѣдомостей за 1911 годъ, Кишиневская Духовная Консисторія, согласно опредѣленію ея, отъ $\frac{18 \text{ октября}}{10 \text{ ноября}}$ 1911 года, предлагаетъ причтамъ церквей, настоятелямъ и начальницамъ монастырей и скитовъ Кишиневской епархіи произвести за всенощною накануне 6 декабря 1911 года и за литургіею въ этотъ день сборъ пожертвованій для оказанія помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ и собранныя деньги вмѣстѣ съ актами представить, чрезъ благочинныхъ, въ Консисторію для отсылки въ Центральное Правленіе Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ, въ С.Петербургъ, Васильевскій Островъ, Безыменный переулокъ № 4.

IV.

**Отъ Правленія Эмеритальной кассы духовенства
Кишиневской епархіи.**

Списокъ лицъ, въ пользу которыхъ слѣдуетъ поступленіе рублеваго и двадцатипятикопѣчнаго сбора съ духовенства Кишиневской епархіи, за время съ 1 іюня по 1 декабря 1911 года, съ показаніемъ о каждомъ лицѣ, когда послѣдовало постановленіе о производствѣ сбора.

1. Производство съ священниковъ епархіи рублеваго сбора слѣдуетъ въ пользу слѣдующихъ лицъ:

1) Любова Макарія, заштатнаго протоіерея с. Кирютни, 3 округа Бендерскаго уѣзда; постановлено произвести сборъ 14 іюня 1911 года.

2) Бєрова Саввы, заштатнаго протоіерея Болградскаго собора, 2 округа Измаильскаго уѣзда;—10августа 1911 года.

3) Кобанова Иларіона, заштатнаго священника с. Гировой, 5 округа Оргѣвскаго уѣзда;—18 августа 1911 года.

4) Праницкаго Василя, заштатнаго священника с. Костычанъ, 2 округа Хотинскаго уѣзда;—20 августа 1911 года.

5) Танасеско Ирины, вдовы священника с. Дракули, 3 округа Измаильскаго уѣзда;—23 августа 1911 года.

6) Щуки Василя, заштатнаго священника с. Тырнова, 2 округа Сорокскаго уѣзда;—20 августа 1911 года.

7) Пламадялы Маріи, вдовы священника соборной церкви г. Сорокъ;—1 сентября 1911 года.

8) Хареги Варєоломея, заштатнаго протоіерея с. Талмазъ, 2 округа Аккерманскаго уѣзда;—9 сентября 1911 года.

9) Драгочинскаго Андрея, заштатнаго священника с. Сатунова, 2 округа Бендерскаго уѣзда;—15 сентября 1911 года.

10) Бабченко Петра, заштатнаго священника м. Байрамчи, 1 округа Аккерманскаго уѣзда;—27 сентября 1911 года.

11) Барбоса Теодора, заштатнаго священника с. Липченъ, 3 округа Оргѣвскаго уѣзда;—27 сентября 1911 года.

12) Георгіянова Елисея, заштатнаго протоіерея с. Братушанъ, 4 округа Бѣлецкаго уѣзда;—3 октября 1911 года.

13) Цѣнановскаго Филиппа, заштатнаго протоіерея, бывшаго духовника Кишиневской духовной семинаріи;—3 октября 1911 года.

14) Малая Константина, заштатнаго протоіерея с. Чокъ-Майданъ, 3 округа Бендерскаго уѣзда;—10 октября 1911 года.

15) Лелявскаго Евфимія, заштатнаго священника с. Вознесенскаго, 3 округа Аккерманскаго уѣзда, и его семьи;—16 октября 1911 года.

16) Юсипенко Іоанна, заштатнаго протоіерея с. Карналѣвки, 1 округа Аккерманскаго уѣзда;—2 ноября 1911 года.

17) Ерхана Василя, заштатнаго священника с. Танатаръ, 1 округа Бендерскаго уѣзда;—8 ноября 1911 года.

18) Брицкой Елисаветы, вдовы священника с. Широуць-Высшихъ, 1 округа Хотинскаго уѣзда;—12 ноября 1911 года.

19) Львовской Теодоры, вдовы священника с. Ниморенъ, 1 округа Кишиневскаго уѣзда;—23 ноября 1911. года.

20) Миролюбова Гавріила, заштатнаго священника с. Перковецъ, 1 округа Хотинскаго уѣзда;—24 ноября 1911 года.

Итого, должно поступить рублеваго сбора, съ 1 іюня по 1 декабря 1911 года, въ пользу двадцати вышеозначенныхъ лицъ, отъ каждаго священника епархіи по двадцати рублей.

II. Производство съ діаконовъ и псаломщиковъ епархіи двадцатипятикопѣчнаго сбора слѣдуетъ въ пользу слѣдующихъ лицъ:

1) Брябинъ Теодоры, вдовы псаломщика с. Томай, 2 округа Бендерскаго уѣзда; постановлено произвести сборъ 1 іюня 1911 года.

31) Самсоновой Рахили, вдовы псаломщика с. Шуръ, 3 округа Сорокского уѣзда;—26 ноября 1911 года.

Итого должно поступить двадцатипятикопѣечнаго сбора, съ 1 іюня по 1 декабря 1911 года, въ пользу тридцати одного вышеозначенныхъ лицъ отъ каждаго діакона и псаломщика епархіи по семи рублей семидесяти пяти коп.

У.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

на 1912-ый годъ

Н А

Ж У Р Н А Л Ъ

„СООБЩЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПА-
ЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 4 выпускахъ (до 10 печ. лис. въ каждомъ).

Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

Обращаться въ контору редакціи: С.-Петербургъ, Возне-
сенскій просп., д. № 36.

VI.

Къ свѣдѣнію духовенства епархіи.

Совѣтъ Христо - Рождественскаго Братства симъ доводитъ до свѣдѣнія ду-
ховенства епархіи, что требованія на
Богослужебныя книги, брошюры и лист-
ки, издаваемые Совѣтомъ Братства,
должны быть направляемы непосред-
ственно въ Совѣтъ Братства.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО ЕПИСКОПА ГАВРИИЛА къ Измаильской паствѣ.

Въ древнихъ богослужебныхъ книгахъ обрѣтается задушевное, сердечнѣйшее прощаніе, возглашаемое святою церковью отъ лица святителя, духомъ отошедшаго къ Богу, а тѣломъ почивающаго во гробѣ: *«Спасися солнце и луна и звѣзды, преукрашенныя на небеси, спасися престоле Господень—трапеза святая, спаситесь іереи, діакони, чтецы и пѣвцы, спаситесь людие, крестившіеся моею рукою».*

Не въ иной міръ, но къ иной паствѣ отходя нынѣ, я хотѣлъ-бы повторить то великое прощаніе. Но какъ возгласить живому слова мертвеца? Какъ прощаться съ звѣзднымъ небомъ, солнцемъ и луною тому, для кого долготерпѣніемъ Божіимъ возсіяваетъ утро и разсвѣтаетъ день? Какъ дерзнетъ прощаться съ престоломъ Господнимъ тотъ, кому дарована благодать совершать жертвы безкровныя, воздѣвать у алтаря свои грѣшныя руки и возлагать ихъ на братіи своихъ, которыхъ *посѣщеніемъ богатыхъ даровъ* Духъ Святой поставляетъ пастырями церкви? Какъ обратиться съ словами разлуки, вѣчной разлуки къ паствѣ своей тому, у кого она (паства) должна остаться навсегда поименно вписанной на скрижаляхъ сердца?

Но иныхъ словъ, кромѣ святой той пѣсни, не нахожу для выраженія завѣтнѣйшихъ чувствъ души нынѣ, когда въ этомъ храмѣ пробилъ часъ отшествія моего отъ васъ, возлюбленные

братіе! О, какъ торжественно звучитъ для меня этотъ нѣжный прощальный привѣтъ, какое глубокое иносказаніе открывается мнѣ въ немъ!

Взираю горѣ съ умиленіемъ и вижу небо, прекрасное духовное небо, образомъ котораго служатъ звѣздные міры, вижу его въ этомъ храмѣ, со всею его красотою, со всѣмъ великолѣпіемъ, со всѣмъ невозмущаемымъ никакими тревоженіями глубокимъ, глубокимъ Божиимъ миромъ. Слышу звуки, оглашающіе его. Очищенною умиленными слезами душою приникаю въ величіе движущейся въ глубинахъ его таинственной жизни!

Что свершилось здѣсь въ домѣ Господнемъ въ сихъ вратахъ небесныхъ за два года моего молитвеннаго общенія съ вами? Сколько разъ Голгоѳа, и вольное заколеніе, и побѣда вѣчной жизни, не въ воспоминаніяхъ только, а въ трогательной дѣйствительности, давали сердцу чувствовать Бога съ его милующею правдою? А какъ готовились мы съ вами, возлюбленные, къ великимъ созерцаніямъ, которыя за каждою литургіей открываютъ испытующимъ любовію взорамъ человѣческимъ глубины Божіи. Съ какимъ тщаніемъ совершали мы всенощныя бдѣнія наканунѣ cadaго воскреснаго и праздничнаго дня.

Вотъ представляется мнѣ, какъ погасаетъ въ полумракѣ суббота, а въ храмѣ встаетъ заря воскресенія, и мы въ радости духовной поемъ воскресныя стихиры, поемъ и какъ хотѣлось бы намъ не преставать отъ этого пѣнія! Какъ жаль бывало каждой оконченной стихиры! О, тогда поистинѣ чувствовалась вся необъятность живой бесѣды церкви со своимъ Спасителемъ: *«Тебе, Господи, сущаго по всей твари грѣшніи камо бѣжимъ: на небеси самъ живещи, во адѣ попрагъ еси смерть, во глубины морскія тамо рука твоя Владыко. Къ Тебѣ прибѣгаемъ, Тебѣ припадающе молимся: воскресый изъ мертвыхъ помилуй насъ»*. И мнится, что весь міръ исполненъ свѣтомъ воскресенія и невольно мысль обращается къ окутанному мракомъ нашему городу и рождается молитва и о его воскресеніи. А въ храмѣ, залитомъ огнями, побѣждающими вечерній сумракъ, зримъ образъ того свѣта, который силенъ прогнать сущую во адѣ тьму. А съ клироса льются и льются чудные звуки стихирь, каждое слово которыхъ невольно просится въ душу. Далѣе догматики—большимъ знаменнымъ распѣвомъ, слушая ко-

торые, не знаешь, въ чемъ ярче—въ словахъ или музыкальныхъ звукахъ—выражена великая побѣда богочеловѣчества!

Мы не мудрствовали съ вами лукаво въ дѣлѣ устава церковнаго: не удлиняли службу пѣніемъ вычурныхъ «Свѣте тихій», но кроткую и тихую сію молитву исполняли тихимъ и кроткимъ гласомъ; за то вечерній великій прокимень «*Господь воцарися*» былъ обвить, какъ бы цвѣтами, умиленными нотами прекрасной знаменной мелодіи. Затѣмъ небольшой отдыхъ (сугубая и просительная ектеньи) и опять стихиры, опять радость воскресенія, заключаемая славникомъ святому и дивными пѣснопѣніями во славу Богоматери.

Полвелей мы старались не ограничивать четырьмя стихами, но, слѣдуя вдохновеннымъ созерцаніямъ псалмопѣвца, славили Господа, Который *«вся елика восхотѣ сотвори на небеси и на земли въ моряхъ и во всѣхъ безднахъ, Который возводитъ облаки отъ послѣднихъ земли и молнію претворяетъ въ дождь, исповѣдовали вѣчную милость поразившаго Египта съ первенцы его раздѣльшаго чермное море въ раздѣленія, проведшаго Израиля въ пустыни, избавившаго возлюбленныхъ людей своихъ отъ враговъ ихъ, дающаго пищу всякой плоти.*

Затѣмъ внимали степеннымъ знаменнаго напѣва, которые сочетаваютъ ветхій завѣтъ съ новымъ и духовную жажду ветхозавѣтнаго праведника обильно напаяютъ Божественными струями благодати Духа. Когда лились медленные звуки этого умиленнаго напѣва, казалось, что сердце внемлетъ Богу и съ благоговѣйнымъ трепетомъ прикасается къ великой священной тайнѣ своего вѣчнаго счастья. И то вставали предъ нами необозримыя песчаная пустыни, орошаемая святыми слезами великихъ мужей, то обители съ многочисленными чадами подвига, носящими вѣтви благодѣланія; и все сильнѣе и сильнѣе чувствовалась то скорбь о грѣхѣ и страхъ человѣкоубійцы, то радость о Святомъ Духѣ и предощущеніе неземного блаженства.

О, приготовленная такими чувствованіями душа, нѣсколько отдохнувши при быстромъ подвижномъ пѣніи прокимна, въ немногихъ словахъ и звукахъ нерѣдко обнимающаго вѣчность, могла съ благоговѣніемъ достойно послушати святаго Евангелія о воскресеніи и въ радости поклониться Живому Богу.

А канонъ—этотъ вѣнецъ всенощнаго бдѣнія! До слезъ люблю я его, потому никогда никому изъ васъ не отдавалъ читать его, а всегда самъ исполнялъ сію святѣйшую обязанность. А припѣвы къ тропарямъ его въ пѣсенномъ исполненіи!—Это крикъ восторга, невольно вырывающійся изъ души. Съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ все сіе совершалось у насъ въ храмѣ! Всѣми чувствовалось, что время канона—время исключительнаго духовнаго наслажденія торжествомъ праздника.

А стихиры евангельскія, оживляющія и обновляющія въ душѣ картину прочитаннаго евангелія для того, чтобы не ушли мы въ дома свои, не унеши съ собой этого свѣточа вѣчной жизни. О, братіе, посему и воспѣваемъ мы сіи стихиры въ концѣ службы, чтобы унести въ жилища свои этотъ священный огонь, чтобы не забывать чтеннаго въ церкви Евангелія о воскресеніи Господа, и во мракѣ ночи, подобно факеламъ, самимъ горѣть этимъ духовнымъ свѣтомъ.

Кончалась бывало служба поздно, около 10-ти часовъ вечера, но нѣтъ и помину объ усталости: одна бодрость духовная, одна жизнерадостность, одно торжество Божіей благодати. И часто, выѣзжая изъ собора при проводномъ праздничномъ звонѣ и смотря чрезъ окна кареты на домики и улицы нашего бѣднаго малаго городка, не хотѣлъ я вѣрить, что эта боголѣпная служба совершалась на окраинѣ нашего отечества, въ отдаленномъ его уголкѣ, на берегахъ историческаго Дуная, на румынской границѣ. Казалось, что находишься въ старинномъ городѣ русскомъ, исполненномъ древняго благочестія, благоукрашенномъ золотыми главами многочисленныхъ церквей. Слава и благодареніе Богу: *разумна Ему отъ вѣка дѣла Его.*

А когда наступали великіе праздники, когда Царица Небесная осѣняла насъ своимъ покровомъ, когда надъ нашимъ градомъ восходила Виѳлеемская звѣзда, когда весь градъ исходилъ на Іорданъ, когда съ ваіями срѣтали мы Господа, грядущаго на вольную страсть, когда *очищенными смыслами сшествовали Ему* на Голгофу и въ темный гробъ, когда въ семъ храмѣ, ликующемъ восторгомъ воскресенія и новой жизни, *смерти праздновали умерщвленіе, адово разрушенія, иного житія вѣчнаго начало*, когда, распростершись на землѣ въ день Пятидесятницы, ожидали благодати Духа,—что чувствовали, что переживали въ тѣ свя-

стояла огромная толпа богомольцевъ, на радостяхъ которыхъ отпечатлѣвался восторгъ отъ причастія къ Свѣту славы, возсіявшему изъ гроба!

Да, этотъ храмъ былъ свидѣлемъ многихъ чудесъ, съ такою щедростью разсыпанныхъ въ службахъ церковныхъ; посему не удивительно, что и нынѣ на него, онъ представляется мнѣ, со всѣмъ разнообразіемъ горящихъ огней міровъ.

Пусть утѣшаетъ васъ, возлюбленные, божія красота. Пусть спасется въ этомъ свѣтѣ нитя въ немъ надолго этотъ преданный боголѣпный чинъ. Пусть надолго отпечатлѣется и рождающая его луна, свѣтящая нитя него свѣтомъ (статья великой субботы) звѣздъ, сіяющихъ на тверди церковной. Пусть онъ въ вашихъ душахъ, возлюбленные божія и луна и звѣзды прукрашенная на великой Божіи, діакони, чтецы и певцы соборный церковный чинъ для себя и для васъ.

Когда отъ сихъ благоговѣнныхъ словъ даетъ на мѣсто, на которомъ стою, благодарю и утѣшаюсь воспоминаніями о томъ, какъ предстоялъ предъ Богомъ, священнодіаконъ. Когда восходилъ я на сіе мѣсто, чувствовалъ притокъ умиленія и Божіей радости. Когда себя, что со слезами училъ васъ въ время пребыванія съ вами; и васъ училъ, и часто уходилъ съ кафедры церковной на нее; часто открывался во время самаго душѣ родникъ новыхъ мыслей и чувствъ. Когда Богомъ я сходилъ съ этого свѣта собою великое утѣшеніе, великое сокровище. Свѣтлые праздники Божіи проходили особенно воодушевленно, иногда въ темнотѣ проповѣди посѣщаль меня превосходящими

О, какъ я утѣшался въ это время

даль ко-
венному

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

лишья

душе моя отъ волхвовъ Бога поклоняемаго», «Величай душе моя отъ звѣзды волхвомъ возвѣщеннаго»... О, тогда хотѣлось вѣрить, что было пропѣто столько разъ *«Величай душе моя»*, сколько было душъ, молящихся въ храмѣ.

Да что еще глаголю: не достанетъ ми повѣствующу времени о навечеріяхъ Рождества Христова и Богоявленія и о прочихъ духовныхъ торжествахъ! А *«Августу единоначальствующу»!* А париміи съ тропарями и ликующими припѣвами! А *«Рождество Твое Христе Боже нашъ»* умиленнаго греческаго напѣва, а *«Дѣва днесъ»* Львовскаго! А мистическое *«Радуйся Благодатная Богородице Дѣво»* знаменнаго напѣва, изображающее тайну встрѣчи Бога и человѣка во дворѣ ветхозавѣтнаго святилища.

А страстная седмица! Цѣлые дни въ церкви, цѣлые дни въ духовныхъ созерцаніяхъ! Пять—шесть часовъ службы утромъ, столько же вечеромъ—и молились весьма многіе и съ какимъ великимъ усердіемъ! Велико-субботняя поминальная литургія надъ готовымъ упраздниться гробомъ Богочеловѣка продолжалась отъ 11-ти часовъ утра до 4½ пополудни и, когда послѣдніе лучи этого великаго дня умирали на гробѣ почившаго отъ всѣхъ дѣлъ своихъ Единороднаго Сына Божія, готовы были мы воскликнуть съ великимъ святителемъ земли Русской (Иннокентіемъ), подражая древнему Навину: «Остановись солнце, продлись драгоцѣнный день».

А свѣтозарная пасхальная ночь! Поистинѣ она была свѣтозарна для насъ, ибо мы не видѣли ея тьмы: до полночи въ (11 часовъ) собравшись въ семь храмѣ, исходили изъ него тогда, когда дневное свѣтило своими привѣтливыми лучами ударяло въ двери и окна церковныя. По окончаніи пасхальной литургіи, благословляя молящихся, я спросилъ трехъ дѣвочекъ 13—14 лѣтъ, не устали ли онѣ отъ такой продолжительной службы; онѣ мнѣ отвѣтили, что готовы выслушать ее снова; и я сочувствую ихъ духовной бодрости, но ихъ желаніе неисполнимо, ибо богослуженіе перваго дня Пасхи съ его чудесами и тайнами можно совершать лишь однажды въ годъ, чтобы оно было вѣнцомъ всѣхъ завѣтнѣйшихъ чувствованій человѣческаго духа, послѣдовательно вызываемыхъ Свягою Церковью въ вѣрующихся сердцахъ отъ Рождества Пресвятыя Богородицы до живоносной смерти Ея Божественнаго Сына. Въ это время вокругъ меня

стояла огромная толпа богомольцевъ, на радостныхъ лицахъ которыхъ отпечатлѣвался восторгъ отъ причастія Невещественному Свѣту славы, возсіявшему изъ гроба!

Да, этотъ храмъ былъ свидѣтелемъ многихъ величайшихъ чудесъ, съ такою щедростью разсыпанныхъ Богомъ въ уставныхъ службахъ церковныхъ; посему не удивительно, что, когда я взираю нынѣ на него, онъ представляется мнѣ небомъ духовнымъ, со всѣмъ разнообразіемъ горящихъ огнемъ Духа звѣздныхъ его міровъ.

Пусть утѣшаетъ васъ, возлюбленные, эта немеркнущая Божія красота. Пусть спасется въ этомъ святилищѣ, пусть сохранится въ немъ надолго этотъ преданный намъ святыми отцами боголѣпный чинъ. Пусть надолго отпечатлѣется *праведное солнце и рождающая его луна, свѣтящая нынѣ отраженнымъ отъ него свѣтомъ* (статья великой субботы), и великое множество звѣздъ, сіяющихъ на тверди церковной, пусть отпечатлѣются онѣ въ вашихъ душахъ, возлюбленные братья! *Спасися солнце и луна и звѣзды преукраценныя на небеси; спаситесь іереи Божіи, діакони, чтецы и пѣвцы соблюдая сей священнолѣпный церковный чинъ* для себя и для своей паствы.

Когда отъ сихъ благоговѣйныхъ созерцаній взоръ мой падаетъ на мѣсто, на которомъ стою, оживаю я тогда духомъ и утѣшаюсь воспоминаніями о томъ, какъ здѣсь неоднократно я предстоялъ предъ Богомъ, священнодѣйствуя слово Его истины. Когда восходилъ я на сіе мѣсто, чувствовалъ какой то особенный притокъ умиленія и Божіей радости, и дерзаю сказать о себѣ, что со слезами училъ васъ въ теченіе двухлѣтняго моего пребыванія съ вами; и васъ училъ, и самъ учился, ибо часто, часто уходилъ съ кафедры церковной инымъ, чѣмъ восходилъ на нее; часто открывался во время самага благовѣстія въ моей душѣ родникъ новыхъ мыслей и чувствъ, и примиренный, взысканный Богомъ я сходилъ съ этого священнаго мѣста, унося съ собою великое утѣшеніе, великое сокровище Божіей благодати. Свѣтлые праздники Божіи проходили тогда для меня какъ то особенно воодушевленно, иногда въ теченіе цѣлаго дня послѣ проповѣди посѣщаль меня превосходящій всякъ умъ Божій міръ.

О, какъ я утѣшался въ это время вами возлюбленные бра-

тіе, ибо глаза ваши горѣли, сердца рвались къ Богу, звали и обрѣтали Его, и по лицу многихъ изъ васъ катились тихія слезы.

И я отъ васъ какъ бы заражался этими святыми чувствами и воспламенялся ревностью о Богѣ Спасителѣ, и этотъ пламень духовный освѣщаль для меня недовѣдомыя тайны.... Я часто неожиданно оканчиваль свою рѣчь откровеніями новыми себѣ самому: какое великое счастье испытываль я тогда въ душѣ своей!

Я не могу нынѣ сказать: «Спаситесь людіе крестившіеся моею рукою», ибо я изъ васъ никого не крестилъ, да Господь не послаль меня къ вамъ крестить, но благовѣствовать слово спасенія. Симъ благовѣстіемъ о Христѣ Іисусѣ многихъ изъ васъ (по вашему собственному признанію) я родилъ для духовной жизни. Нынѣ молю Господа о томъ, чтобы спаслись людіе, назидавшіеся моимъ слабымъ словомъ, паче же всесильною Его благодатію, чтобы они сохранили то настроеніе, которое я читаль въ ихъ взорахъ въ то время, когда бесѣдовалъ съ ними отъ лица Божія, со страхомъ и слезами предстоя сьятилицу вѣчной истины, самому Іисусу Христу. Пусть за эти благодатныя минуты будетъ благословено имя Божіе во вѣки!

Итакъ, спасися же солнце и луна и звѣзды преукрашенныя на небеси; спасися престоле Господень—святая трапеза; спаситесь іереи Божіи, діакони, пѣвцы и чтецы: спаситесь людіе», вводимые въ вѣчное царство любви черезъ грѣшную мою молитву, немощное слово и благословеніе моихъ слабыхъ рукъ.

Сіе прощаніе сотворилъ я съ вами во образъ «древняго» чина прощанія архіерея, отходящаго отъ своей паствы, «древняго»— исторически, но новаго—современнаго для меня и для васъ, братіе, по своей неумирающей силѣ чувства и немеркнувшей ясности духовнаго созерцанія!

Но не хочу на этомъ окончить рѣчь свою, ибо, смотря на васъ, твердо знаю, что не увижу болѣе вашихъ добрыхъ ласковыхъ и привѣтливыхъ лицъ. Я бы хотѣлъ всѣхъ васъ переименовать нынѣ и къ каждому обратится съ особымъ прощальнымъ словомъ, ибо всѣ вы безконечно дотоги для меня. но для сего бы потребовались не только цѣлые дни, но и недѣли и мѣсяцы; къ тому же намъ твердо надо памятовать, что каждый долженъ

забывать себя для другихъ, что въ этомъ существе церковной жизни.

Итакъ, возлюбленные, не сѣтуйте нынѣ, что, оставивъ въ тѣни многихъ многихъ достойнѣйшихъ, я буду обращать свое слово къ отдѣльнымъ группамъ пасомыхъ, ибо хочу все же, чтобы мудрствовалось въ васъ то же, что и во Христѣ Іисусѣ, т. е. чтобы достойнѣйшіе были и смиреннѣйшими.

Простите, пастыри церкви Христовой, хранители и блюстители завѣтовъ Божіей правды: прошу вашихъ святыхъ молитвъ предъ престоломъ Господнимъ о томъ, чтобы благодать и милосердіе Божіе благопоспѣшили мнѣ непоползновенно проходить великое архипастырское мое служеніе, а моя первая и послѣдняя молитва о васъ, о благоденствіи вашихъ семействъ, о вашихъ милыхъ и кроткихъ дѣтяхъ, окружавшихъ меня всегда съ большою любовью и нѣжною заботливостью. Простите, если въ чемъ повиненъ предъ вами; но Богъ свидѣтель, что я не искалъ своихъ си, что всею крѣпостью своею и всѣмъ помышленіемъ своимъ тщился служить великому дѣлу Христа, который *пришелъ спасать грѣшниковъ, отъ нихъ же первый есмь азъ.*

Простите мужи, стоящіе у власти, хранители и блюстители законовъ государственныхъ на далекой окраинѣ нашей родины. На васъ возложено трудное и отвѣтственное дѣло приводитъ къ духовному единству разноплеменный край и, во имя всеобъемлющей русской любви, приобщить его къ живому организму исторически славнаго нашего отечества, не обижая при этомъ никого.

На сколько хватало слабыхъ моихъ силъ, я споспѣшествовалъ вашимъ самоотверженнымъ трудамъ, въ дѣлѣ проведенія въ жизнь идеи сліянія разнообразныхъ націй, населяющихъ пажить измаильскую, въ одно твердое недѣлимое и непреоборимое цѣлое, подъ скипетромъ Російскаго Самодержца, въ лонѣ Святой Православной Церкви; а вы съ сочувствіемъ и участливостью относились ко мнѣ и моимъ начинаніямъ.

Я глубоко убѣжденъ, что каждый общественный дѣятель, скажу даже больше, каждый честный человѣкъ долженъ быть пастыремъ въ томъ или другомъ смыслѣ этого слова, и, если онъ будетъ стремиться къ идеалу, путь его во многихъ точкахъ будетъ соприкасаться съ путемъ служителя алтаря Господня, дѣйствующаго во имя Христовой любви.

А какъ отрадно бываетъ труженику на нивѣ Божіей сознавать, что онъ, какъ общественный дѣятель, не одинокъ, что есть его любящіе, ему сочувствующіе, готовые жить и утѣшаться тѣмъ, чѣмъ, во славу Божію, живетъ и утѣшается онъ!

Простите, учителя и воспитатели юношества во главѣ съ достойнѣйшими руководителями. Простите, что говорю съ дерзновеніемъ: ваше дѣло было моимъ, ибо люблю чистую свѣтлую юность, за ея беззавѣтный порывъ къ правдѣ и добру! Когда я посѣщаль милая и дорогія моему сердцу обители ученія ввѣреннаго мнѣ Богомъ града, я утѣшался вашими трудами и отдыхалъ душою среди васъ, ибо видѣлъ въ васъ свою семью, ту семью, среди которой проходила моя жизнь и педагогическая дѣятельность въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Да пошлетъ вамъ Господь силу и мудрость быть вѣрными хранителями священныхъ завѣтовъ чистыхъ, открытыхъ Богу и добрымъ людямъ, сердецъ!

Прости особенно данное мнѣ Господомъ, какъ бы въ награду за мою любовь къ дѣтямъ, измаильское духовное училище. Съ вами, милые воспитанники, я сжился, какъ съ своими близкими, дорогими родными. Странно, можетъ быть, слышать, но я безъ васъ, не знаю, что дѣлалъ бы въ этомъ городѣ и въ этомъ храмѣ. Говорю правду, ибо говорю предъ Богомъ. Вы составляли самую твердую и надежную половину хора, который являлся лучшимъ украшеніемъ уставныхъ службъ и который я содержалъ на свои средства. Если бы не было васъ, безмездныхъ труженниковъ, мнѣ не хватило бы тогда на содержаніе пѣвчихъ и всего моего жалованія; а вы были неизмѣнными и усерднѣйшими исполнителями, въ семъ отношеніи, своего церковнаго долга.

Моя паства, преданная церковнымъ завѣтамъ, состоитъ по большей части изъ людей небогатыхъ или даже такихъ, которымъ еще нужно дать и отъ которыхъ нечего взять на пользу общую, на пользу церкви Христовой, на благоукрашеніе и на благолѣпіе службы. А золота богатыхъ я не ждалъ и не желалъ, ибо хотѣлъ до конца остаться вѣрнымъ завѣту Апостола, который древле говорилъ: *«Я не ищу вашего, но васъ»*.

Вы, дорогія дѣти, помогли мнѣ поставить на должную высоту то, что по своему существу, по своей вѣчной идеальной красотѣ, не должно быть повержено долу. Руководимые вашими добрыми идейными наставниками, вашимъ любящимъ святу

службу церковную начальникомъ училища, вы оказались ангелами хранителями всего, что было когда-либо истинно великимъ, вдохновеннымъ, святымъ! Вы сдѣлали сіе полубезсознательно и мало нынѣ разумѣете меня, но весь смыслъ словъ моихъ поймете тогда, когда жизнь горькимъ опытомъ разочарованія въ ея грѣховныхъ приманкахъ, научитъ васъ цѣнить благодѣянія Божіи и ласки неба. О, тогда для васъ ясно будетъ, сколько многое сдѣлано въ этомъ храмѣ вашими дѣтскими чистыми голосами, вашею чистою свѣтлою душою!!

Вы являлись и разумнѣйшими чтецами, и возглашали псалмы гораздо съ большею выразительностью, чѣмъ посвятившіе себя этому дѣлу церковно-служители.

Но какъ умолчу о своемъ необычайномъ штатѣ церковно-служителей—о иподіаконахъ (одинъ гимназистъ, другой воспитанникъ духовнаго училища) книгодержцахъ, рипидчикахъ, пошникѣ и примикиріи (всѣ гимназисты)? Это мое истинное утѣшеніе и моя—да проститъ мнѣ Господь сіе превозношеніе—гордость.

Ипподіаконство при архіерейскомъ служеніи дѣло весьма трудное и часто плохо постигаемое и усвояемое даже взрослыми, а мои юноши 14-ти лѣтъ такъ усовершенствовались въ умѣннѣ облачать, и творить своевременно уставные поклоны и метанія, и хранить во время службы, ничѣмъ не развлекаемое, духовное трезвеніе! Да будетъ сіе залогомъ, милые труженики, вашей честной добросовѣстной трудовой жизни въ будущемъ, когда станете дѣлателями на нивѣ Божіей и государственной.

А прочіе церковнослужители юноши и дѣти! Съ какою милою заботливостью, съ какимъ искреннимъ благоговѣніемъ совершали вы, возложенныя на себя своею собственною любовью, обязанности! Кто предписывалъ вамъ стоять многіе часы предъ алтаремъ на виду у всѣхъ въ одномъ положеніи съ чувствомъ страха Божія за каждое свое движеніе? Какое повелѣніе могучей власти земной привело васъ сюда? Васъ призвалъ Царь Небесный, и вы были не моими, а Его служителями. Милость и миръ и благодать вамъ отъ Бога за сіе да умножатся, а моя искренняя и глубокая благодарность вашей непосредственной беззавѣтной любви!!

Простите и вы, помощники мои въ дѣлѣ благоустроенія

службы Божіей, занятые своими дѣлами, но все же хотя не безкорыстно, однако честно и усердно исполнявщіе свой церковный долгъ, сладкогласные пѣвцы, управляемые старательнѣйшимъ учителемъ пѣнія духовнаго училища и вашимъ регентомъ. Если чего не могъ я вамъ воздать своею усердною лептою, то да воздасть вамъ Господь въ воскрешеніе праведныхъ!

Простите и тѣ юноши и юницы, отроки и отроковицы, которые наполняли храмъ, когда старшіе возрастомъ, благословною или неблагословною виною, отходили отъ службы церковной и, волею или неволею, заповѣдывали намъ съ вами недостойнымъ молиться о нихъ. И мы со всеусердіемъ, исполняли вечернія и утреннія за нихъ молитвы Господеви.

Простите и вы, люди Божіи, какого званія и состоянія, пола и возраста вы бы ни были. Простите, если чѣмъ либо согрѣшилъ предъ вами дѣломъ, или словомъ, или мыслию. Любилъ я васъ и служилъ вашему спасенію, какъ умѣлъ. Аще чесого не докончалъ, да проститъ меня Богъ, простите и вы, добрые люди! Скажу нынѣ только то, что стяжалъ я себѣ здѣсь благодатію Божіею обширную паству, хранилъ ее, назидалъ и скучалъ о ней, если благословною виною находился иногда вдали отъ нея.

Васъ Христоносные людіе, я считалъ самыми близкими, искренними и молился о васъ Богу, какъ молятся о родныхъ дорогихъ людяхъ. Помолитесь и вы теперь обо мнѣ, дабы Господь управилъ стопы моя къ стопамъ моего архипастыря.

Училъ я васъ церковности и тому, чему самъ наученъ былъ отъ Бога и добрыхъ наставниковъ моей юности; теперь иду учиться управленію разнообразныхъ функцій церковной жизни у опытнѣйшаго и мудраго архипастыря. Иду учиться тому, что недовѣдомо пока мнѣ.

Благочестивые и добрые люди, помолитесь Господу, чтобы Онъ умудрилъ меня, да буду я мужемъ по сердцу и полезнымъ помощникомъ тому кто призвалъ меня отъ духовно-учебной нивы къ архипастырскому дѣланію, кто поставилъ меня блюстителемъ и хранителемъ вашей религіозной жизни и совѣсти.

И нынѣ предаю васъ Богу и благодати Его могущему назидать васъ болѣе, чѣмъ я слабый человекъ.

Да, Господь васъ не оставитъ своею благодатію; не оставитъ васъ сирыми: не по мнозѣхъ сихъ днѣхъ грядетъ къ вамъ

мужъ полный смиренія, доброты, искренности и твердаго сознанія своего долга предъ Богомъ и людьми. Онъ недокончанная исправитъ, и довершитъ съ такою любовью начатое мое дѣло. Всеблагій Богъ да будетъ ему въ семъ помощникъ!

Прости и ты, градъ Измаиль! Прости обитель Воздвиженія Креста Господня, воздвигнутая на мѣстѣ капища съ полумѣсяцемъ Магомета! Простите Божіи храмы, въ которыхъ совершалъ я святую службу церковную! Простите жилища мирныхъ гражданъ, въ которыхъ я находилъ себѣ пріютъ и утѣшеніе! Простите улицы, аллеи, деревца!.. Прости и мой домъ, подъ сѣнію котораго много пережила душа моя! Простите и быстрыя волны Дуная и унесите въ пучину исторіи жизнь мою на вашихъ берегахъ! Но помни ты, рѣка, омывающая пять государствъ міра, что благодатією Божією въ день Крещенія Господня я удостоился погрузить въ твои воды крестъ,, распятаго злобою человѣческою и воскресшаго всемогущею силою добра, Бога и Спасителя міра!!

Люди Божіи, пріймите мой послѣдній прощальный земной поклонъ, какъ полное выраженіе любви къ вамъ, и проводите меня своей любовью и молитвами въ опредѣленный мнѣ Господомъ путь жизни.

Ахъ, какъ тяжело оказалось разставаться мнѣ съ тобой, дивный храмъ Покрова Богоматери! И первый храмъ убогій въ убогой миссіонерской семинаріи, куда я юный іеромонахъ съ академической былъ опредѣленъ учителемъ церковности, тоже былъ во имя Покрова Царицы Небесной! И тамъ правилась уставныя службы, и тамъ, несмотря на бѣдность внѣшней обстановки, чувствовалось небо на землѣ. И такъ начало моего благовѣстническаго труда, сочетааясь съ настоящей минутой, придаетъ ей особый таинственный смыслъ. Матерь Божія утѣшала и утѣшаетъ меня своею милостью отъ дней древнихъ.

Мати Божія Святая, сохрани мя и мою бывшую паству и весь міръ христіанскій подъ кровомъ Своимъ.

Епископъ Гавріиль.

В О З З В А Н І Е.

Братья и сестры о Господѣ!

Въ Оренбургской епархіи (Оренбургская губернія и Тургайская область) наступилъ сильный голодъ, особенно среди переселенцевъ изъ Россіи. Повторяется тяжелый 1891 годъ. Ужасы голода нынѣшняго года тяжелѣе, чѣмъ это можно представить. Къ Оренбургскому Епархіальному Начальству голодающіе обращаются съ просьбами о совершеніи **послѣдней литургіи**: **«исповѣдуемся, — пишутъ несчастные, — и причастимся, чтобы встрѣтить голодную смерть...»** Чье сердце не дрогнетъ, слыша объ этихъ ужасахъ?! Подобныя извѣстія не единичны...

Православные христіане! Откликнитесь! Неужели Святая Русь допуститъ своихъ дѣтей до голодной смерти?! Да не будетъ этого! Освободите, православные, своихъ братьевъ отъ ужасовъ голодной смерти! Придите на помощь, чѣмъ кто можетъ.

Пожертвованія принимаются въ г. Оренбургѣ, у Предсѣдателя Епархіальнаго Комитета по оказанію помощи голодающимъ, Преосвященнаго Діонисія, Епископа Челябинскаго.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и его литературная дѣятельность.

(Окончаніе *).

Въ 1735 г. при Академіи Наукъ было учреждено «Россійское собраніе», имѣвшее задачей совершенствованіе русскаго языка. Лица, занимавшіяся переводами съ иностранныхъ языковъ, имѣли, между прочимъ, въ виду разработку русскаго языка, какъ органа выраженія тѣхъ идей, которыя развивались въ литературахъ образованныхъ народовъ. И мы знаемъ, какъ переводчики боролись съ русскимъ языкомъ, еще неспособнымъ передавать отвлеченныя, философскія мысли. Ломоносовъ оказалъ громадныя услуги языку, оставивъ далеко за собою тѣхъ, кто работалъ на одномъ съ нимъ поприщѣ. Его по справедливости называютъ преобразователемъ литературнаго языка, основателемъ стихотворной рѣчи, главою западно-европейскаго ложно-классицизма.

Книжнымъ языкомъ до-петровской Руси былъ языкъ церковно-славянскій. Русскіе люди въ виду того, что религіозныя идеи, составлявшія самое существенное содержаніе ихъ мысли и жизни, были выражены на языкѣ церковно-славянскомъ, сдѣлали этотъ языкъ своимъ книжнымъ языкомъ. Въ этотъ языкъ постепенно входили формы и слова живой русской рѣчи. Происходило смѣшеніе языковъ, образовался искусственный книжный языкъ, по справедливости называемый славяно-русскимъ. Порчу языка увеличивали сербскія и болгарскія рукописи, приходившія къ намъ время отъ времени съ востока. Искусственности языка много способствовала та риторичность, которую русскіе книжники нашли въ греческихъ произведеніяхъ византійскаго періода. Въ этой риторичности книжники видѣли особую красоту и стремились блеснуть ею въ своихъ сочиненіяхъ. Въ 17 вѣкѣ малороссы занесли свою схоластическую образованность въ Москву, а вмѣстѣ съ симъ они оказали сильное вліяніе на русскую книжную рѣчь. Воспитавшись подъ вліяніемъ польской и латинской схоластической литературы, они и въ книжную русскую рѣчь внесли много словъ и оборотовъ польскихъ, латинскихъ, а так-

же и малорусскихъ и строили рѣчь по требованіямъ схоластической риторики, благодаря чему рѣчь носила крайне искусственный характеръ и была довольно трудной и тяжелой для пониманія. Съ эпохи преобразования русскій языкъ подвергся сильному вліянію западныхъ языковъ. Русскую рѣчь наводнили слова шведскія, голландскія, англійскія, французскія, нѣмецкія. Слова и обороты, чуждые русской рѣчи, такъ обезобразили ее, что она потеряла свою ясность и сдѣлалась малодоступной русскимъ людямъ. Что касается синтаксическаго строя рѣчи, то въ книжной рѣчи получила господство латино-германская конструкція, такъ какъ въ школахъ вліялъ латинскій языкъ, а съ учрежденіемъ Академіи Наукъ проникло и вліяніе нѣмцевъ—академиковъ. Такова исторія русской книжной рѣчи. Изъ этой исторіи видно, что рѣчь, современная Ломоносову, находилась въ хаотическомъ состояніи. Въ ней смѣшаны, но не приведены въ гармонію составляющіе ее элементы: церковно-славянскій языкъ, простонародный русскій языкъ и слова иностранныя. Простонародная рѣчь развивалась только въ разговорахъ, отличалась богатствомъ словъ и оборотовъ, но чужда была сложности синтаксическаго строя. Церк.-славянскій языкъ, господствовавшій въ книжной рѣчи, разработанъ былъ синтаксически и даже доведенъ былъ до крайней степени искусственности въ этомъ отношеніи. Надлежало выработать собственно русскую рѣчь, сообщивъ ей сложность синтаксическаго строя и опредѣленность, такъ сказать, техничность, свойственную рѣчи книжной. Вотъ за эту работу и нужно было приняться писателямъ послѣ-петровскаго времени, и они принялись за нее, но плохо она имъ давалась. Она оказалась подъ силу только Ломоносову; рѣшеніе этой задачи составляетъ его огромную заслугу. Онъ отдѣлилъ русскій языкъ отъ языка церк.-славянскаго; въ этомъ состоитъ значеніе составленной имъ грамматики русскаго языка, первой по времени, такъ какъ до Ломоносова существовали только грамматики церк.-славянскаго языка. Изъ церк.-славянскихъ формъ рѣчи онъ ввелъ въ русскую грамматику причастныя формы, такъ какъ онѣ были необходимы для того, чтобы можно было простонародной русской рѣчи, замкнувшейся въ краткія предложенія, сообщить синтаксическую сложность. Затѣмъ онъ разобрался въ лексическомъ матеріалѣ, онъ нашелъ, что слова,

употребляемая въ рѣчи книжной, можно раздѣлить на три разряда: а) слова русско-славянскія, т. е. такія, которыя употребляются и въ русскомъ и въ славянскомъ языкѣ, б) слова собственно-русскія и в) слова славянскія, изъ которыхъ однѣ понятны русскому человѣку, другія непонятны и требуютъ комментарія. Послѣднія, какъ и обветшавшія, Ломоносовъ совсѣмъ удаляетъ изъ книжной рѣчи. Остальныя всѣ слова должны составить матеріаль для книжной русской рѣчи. Этотъ матеріаль Ломоносовъ находитъ весьма богатымъ, столь богатымъ, что можно изъ него образовать прекрасный языкъ, не засаривая его словами иностранными. Искуснымъ употребленіемъ церковно-славянскаго языка, вмѣстѣ съ русскимъ, можно, думаетъ Ломоносовъ, «отвратить тѣ дикія и странныя слова, которыя входятъ къ намъ изъ чужихъ языковъ и искажаютъ красоту нашего языка». Эту мысль Ломоносова нужно признать безусловно-справедливой и заслуживающей полного одобренія. Стремясь урегулировать употребленіе въ русской рѣчи славянскаго языка, Ломоносовъ предлагаетъ въ «Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ» теорію трехъ стилей: высокаго, средняго и низкаго. Этимъ онъ удовлетворилъ требованіямъ риторики, господствовавшей на западѣ и основанной на ученіи Аристотеля и Квинтиліана. Эта теорія не имѣетъ безусловнаго значенія, такъ какъ покоится на ложномъ основаніи, будто славянскій языкъ есть средство къ «сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ», недоступному словамъ русскимъ, и послѣдующими писателями она оставлена, но временное значеніе она, безспорно, имѣла, такъ какъ ограничивала употребленіе въ рѣчи славянскаго языка и пролагала путь къ господству въ книжной рѣчи языка простонароднаго. Самъ Ломоносовъ не придерживался слѣпо теоріи и нерѣдко отступалъ отъ нея въ направленіи къ языку простонародному, слѣдуя указаніямъ своего природнаго чутья и свѣтлаго ума. Реформаторскій подвигъ Ломоносова заключается въ томъ, что онъ обратился къ народности и положилъ начало тому, чтобы простонародный языкъ сталъ органомъ высшихъ сферъ дѣятельности человѣка — науки и искусства. Такъ какъ синтаксическій строй простонародной рѣчи не былъ выработанъ, то Ломоносовъ пока сохранилъ въ своей рѣчи латино-германскую конструкцію, полагая, что современемъ творческій геній писателей укажетъ, ку-

да, въ какомъ направленіи долженъ итти синтаксисъ русскаго языка. Что касается лексическаго матеріала, даваемого простонароднымъ языкомъ, то онъ представлялъ сырой матеріалъ, невоздѣланную почву. Ломоносову нужно было разработать этотъ матеріалъ; «приходилось имѣть дѣло со словами, никогда не переходившими предѣловъ житейской потребности мысли, простого естественнаго движенія чувства, съ оборотами рѣчи, единообразно сложившимися въ единообразномъ ходѣ и сочетаніи идей. И вотъ слово, съ которымъ въ теченіе вѣковъ привыкли сопрягать извѣстное значеніе только въ извѣстномъ кругу понятій, теперь должно было войти въ иной кругъ и тамъ, отъ другого же характера мысли, среди другихъ ея отношеній, не измѣняя своей породы и кореннаго значенія, получить, такъ сказать, во имя новаго своего положенія, новыя права, новый оттѣнокъ смысла, силу и выразительность. Съ тѣмъ вмѣстѣ и способность свободнаго построенія, природная діалектика русской рѣчи теперь должна была сойтись и уживаться съ многоразличными комбинаціями мысли, научной и художественно-литературной. Чтобы дѣломъ, употребленіемъ освятить и узаконить всѣ эти нововведенія, требовались смѣлая рѣшимость, точность и необыкновенная сила мышленія, знаніе духа языка и еще нѣчто, чего не даетъ самое знаніе—вѣрное чувство, гениальное чутье истины и способность ея практическаго приложенія, именно все то, что мы находимъ въ Ломоносовѣ. Изъ коренныхъ стихій, заключающихся въ природѣ языка, подъ перомъ его образовались выраженія и обороты, отличные отъ тѣхъ, которые слышались въ устахъ народа, но не чуждые ему именно по самымъ этимъ стихіямъ». (Буличъ). Получился языкъ тоже искусственный, но уже чисто русскій, такъ какъ составилъ изъ элементовъ русскаго языка. Послѣдующіе писатели должны были достраивать то, что такъ удачно начато Ломоносовымъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и др. поэты и мыслители продолжали дѣло Ломоносова.

Устроивъ литературную рѣчь. Ломоносовъ устроилъ и стихотворную рѣчь. Отправляясь отъ наблюденій надъ нѣмецкими стихами, онъ пришелъ къ мысли о несвойственности русскому языку силлабическаго стихосложенія и замѣнилъ его тоническимъ. Послѣдующая практика русскихъ поэтовъ только закрѣпила то, что было имъ введено. Далекое ушли новѣйшіе писа-

тели отъ языка Ломоносова, но чувствуется родство между устарѣлымъ теперь языкомъ Ломоносова и языкомъ поэтовъ нашего времени; сгладились шереховатости языка, освободился онъ отъ латино-германской конструкціи и возвысился до безукоризненной чистоты и изящества. Языкъ Ломоносова поразилъ его современниковъ; преемники также хвалили его. Новиковъ, напр., въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ» говоритъ: «въ знаніи російскаго языка яко его природнаго и имѣ много вычищеннаго и обогащеннаго, почитался онъ въ свое время въ числѣ первыхъ. Слогъ его былъ великолѣпенъ, чистъ, твердъ, громокъ и пріятенъ». Пушкинъ высоко цѣнилъ Ломоносова какъ писателя. «Слогъ его ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго вліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему переложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія. Они останутся важными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ научиться стихотворному языку нашему». При этомъ Пушкинъ ставилъ Ломоносова по языку выше Державина. «Державинъ ниже Ломоносова въ томъ, что не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка».—Ломоносовъ высоко цѣнилъ русскій языкъ и предчувствовалъ его будущую красоту. Замѣчательенъ его отзывъ о русскомъ языкѣ, находящійся въ посвященіи его грамматики Павлу Петровичу. Ломоносовъ говоритъ: «Карль V, римскій императоръ, говорилъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ неприятелими, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но, если бы онъ російскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имѣ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашель бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка». Невольно при этомъ вспоминаются восторженныя слова другого цѣнителя русскаго языка, И. С. Тургенева, по духу совпадающія съ тѣмъ, что говоритъ Ломоносовъ. «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опо-

ра, о, великій, правдивый и свободный русскій языкъ!—Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома?—Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!»! (Стих. въ прозѣ).

Такъ Ломоносовъ выполнилъ великую историческую задачу. Россіи, вступающей въ общеніе съ западно-европейской образованностью, нуженъ былъ литературный языкъ. языкъ не славянскій, а русскій, выработанный изъ стихіи родного народнаго языка,— и Ломоносовъ создалъ его, въ этомъ его великая заслуга.

Ломоносовъ былъ не только ученый, но и поэтъ. Какъ поэтъ, для современниковъ онъ былъ звѣздой 1-ой величины. И дѣйствительно, Тредьяковскій не могъ итти съ нимъ въ сравненіе; по выраженію Сумарокова, онъ былъ далекъ отъ Ломоносова, какъ небо отъ земли. Но и самъ Сумароковъ, имѣвшій множество поклонниковъ своего таланта, ниже Ломоносова. Послѣдующая критика иначе отнеслась къ Ломоносову. Пушкинъ отказалъ ему въ талантѣ поэта, осудилъ риторичность его одъ и даже призналъ ихъ вредными въ ходѣ развитія русской литературы. Критика заподозрила даже искренность чувствъ поэта и упрекала его въ лести сильнымъ міра сего. Но прошло время, пристрастныя сужденія улеглись и образовался дѣйствительный обликъ Ломоносова, какъ поэта. Для настоящаго времени ясна ошибочность вышеуказанныхъ сужденій о Ломоносовѣ. Для правильности сужденія о немъ не нужно предъявлять къ нему требованій, какія мы предъявляемъ современному поэту, нужно понять его, стоя исключительно на исторической почвѣ, а не руководствуясь современными теоріями и вкусами.

Былъ ли Ломоносовъ дѣйствительнымъ поэтомъ? Устами одного историка литературы отвѣчаемъ на это такъ: «Онъ не былъ поэтомъ въ обычномъ смыслѣ слова, не былъ лирикомъ личнаго чувства, не былъ поэтомъ, который представляетъ въ живыхъ образахъ общество своего времени, у него не было къ тому ни влеченія, ни достаточной силы фантазіи—и литературѣ нужно было еще много опыта, чтобы достигнуть этой формы творчества; но онъ несомнѣнно былъ поэтомъ въ томъ дидактическомъ стилѣ, который былъ такъ распространенъ во всей литературѣ 18-го вѣка, поэтъ рефлексіи и поученія. И въ этой области былъ только извѣстный разрядъ предметовъ, которые

волновали его поэтическое чувство: картины великихъ явленій природы, великія дѣла и задачи науки, славныя событія современной исторіи отечества и здѣсь превыше всего дѣянія Петра великаго, наконецъ стремленіе и мечты о славномъ процвѣтаніи отечества въ будущемъ. Когда въ его одахъ рѣчь касается этихъ любимыхъ темъ, у него являлось истинное одушевленіе и оно высказывалось сильнымъ и выразительнымъ языкомъ; которымъ онъ предварилъ Державина»¹⁾.

Какъ поэтъ, Ломоносовъ закрѣпилъ за русской литературой разныя ложно-классическія литературныя формы, но онъ славенъ собственно какъ лирикъ,—и мы коснемся только его лирическихъ произведеній. Формою его лирики является ода, похвальная и духовная. Въ похвальныхъ одахъ онъ является пѣвцомъ императрицы Елизаветы, какъ назвали его современники. Дѣйствительно, изъ его 19 одъ не менѣе 10 прославляютъ Елизавету. Въ своей лирикѣ онъ выразилъ то общее настроеніе русскаго общества, которымъ сопровождалось царствованіе Елизаветы. Чтобы понять это настроеніе, этотъ высокій подъемъ духа, необходимо понять обстоятельства, при которыхъ Елизавета Петровна взошла на престолъ, а также и духъ ея царствованія. Перенесемъ мыслію въ 18 вѣкъ, въ 40 и 50 годы. На престолъ вступаетъ дочь Петра Великаго, Елизавета, послѣ господства мрачной бироновщины. Этимъ вступленіемъ заканчивается періодъ господства иноземныхъ элементовъ, господства очень тяжелаго и для общества и для народа, наступаетъ новая эпоха въ исторіи общественной жизни и просвѣщенія. Еще до восшествія Елизаветы Петровны на престолъ ходили слухи о томъ, что она возродитъ національный духъ, подавленный иноземнымъ деспотизмомъ, и что она возвратитъ времена Великаго Преобразователя. Взоры всѣхъ были обращены къ ней съ надеждой на лучшее будущее. И она оправдала эти надежды. Ея царствованіе отличается національнымъ характеромъ. Съ недоувѣріемъ относясь къ пришлымъ людямъ, она старалась окружить себя русскими людьми, выдвигала ихъ на высшія мѣста въ государствѣ, какъ бы выполняя этимъ завѣты своего родителя, который хотѣлъ, чтобы иностранцы были только учителями, а не властителями Россіи, и который пользовался только услугами иностран-

¹⁾ Пыпинъ, т. III, стр. 527.

цевъ, но всегда важнѣйшія мѣста въ государствѣ предоставлялъ русскимъ. И вотъ возлѣ Елизаветы Петровны образовался кружокъ русскихъ людей—Разумовскихъ, Шуваловыхъ и Воронцовыхъ, которые начинаютъ интересоваться вопросами русскаго просвѣщенія и литературы, а также вникать въ нужды русскаго народа. Понятенъ теперь тотъ восторгъ, съ которымъ русскій народъ встрѣтилъ восшествіе на престолъ «Петровой Дщери». Ломоносовъ раздѣлялъ этотъ восторгъ и былъ искреннимъ выразителемъ его въ поэзіи. Въ своей хвалебной одѣ Ломоносовъ сумѣлъ соединить и энергію чувства и мощь поэтическихъ образовъ. И эти оды въ свое время сѣставляли цѣлое событіе.

Позднѣйшая критика указывала на риторичность, какъ на недостатокъ одъ Ломоносова. Дѣйствительно, въ нихъ есть значительная доля риторики; но этотъ упрекъ вообще должны раздѣлить всѣ поэты ложно-классической школы, которые въ риторикѣ видѣли красоту и силу рѣчи. Такая тогда была манера писать, и Ломоносовъ, какъ сынъ своего времени, не шелъ противъ нея. Но при общемъ риторическомъ тонѣ у него мы находимъ искренность чувства и силу мысли. Когда онъ писалъ не для иллюминацій и не для подношеній, а просто въ стихахъ изливалъ свои завѣтныя мысли и чувства, тогда, несмотря на ложно-классическое убранство и пышность своихъ одъ, онъ въ нихъ обнаруживалъ силу поэтическаго таланта, душевную теплоту, искренность чувства и оригинальность мысли. Когда онъ говоритъ о наукахъ, о дорогой ему Россіи, его рѣчь возвышается до истиннаго паѳоса, и нельзя тогда его произведенія назвать натянутыми и сухими, какъ называлъ ихъ Пушкинъ.

Въ поэзіи Ломоносова критика находила излишекъ лести, такъ какъ онъ всѣмъ правителямъ, иногда смѣнявшимъ другъ друга очень быстро, писалъ похвальные оды,—воспѣвалъ и Анну Ивановну, и принцессу Анну, и Ивана Антоновича, и Елизавету Петровну, и Петра III, и Екатерину II. Но не нужно и здѣсь быть строгимъ къ Ломоносову. Въ его время поэзія ни у насъ, ни на западѣ не занимала высокаго самостоятельнаго положенія. Ей еще не усвоили важнаго общественнаго значенія: она стояла на степени ремесла, и писанія хвалебныхъ стиховъ королямъ и высокопоставленнымъ лицамъ, а также стиховъ на разные важные случаи считалось обычнымъ дѣломъ, не возбуждавшимъ ни въ

комъ осужденія. Прославленіе въ стихахъ властей есть только черта времени и не можетъ быть объяснена только личнымъ вкусомъ поэта. Къ тому же нужно сказать; что Ломоносовъ былъ патріотъ и относился съ почтеніемъ къ существовавшей въ данный моментъ власти. А главное, у Ломоносова нѣтъ лести. Лесть преслѣдуетъ своекорыстныя цѣли,--этими цѣлями Ломоносовъ не былъ одержимъ. Лесть превращаетъ слабости и пороки въ добродѣтели,—Ломоносова и въ этомъ нельзя упрекнуть. У него лесть является поэтическимъ пріемомъ, при помощи котораго онъ думаетъ достигнуть серьезной цѣли. Его постоянной думой является народъ, его постояннымъ дѣломъ было насажденіе въ отечествѣ наукъ. Этой заботѣ, этому дѣлу должна служить и поэзія. Ломоносовъ избираетъ оду, какъ форму весьма удобную для его цѣлей. Въ этой формѣ онъ можетъ идеально представить тѣ лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть. Посредствомъ оды онъ можетъ давать совѣты правящимъ лицамъ, излагать программу дѣятельности, полезной для государства и народа. Онъ будущее представить въ настоящемъ, какъ уже существующее, чтобы вызвать въ правителяхъ тѣ качества, которыя необходимы для пользы народа и государства. Такъ Ломоносовъ дѣйствовалъ, такъ онъ и долженъ былъ дѣйствовать въ странѣ, гдѣ всѣ силы народа сосредоточены въ одномъ лицѣ, въ лицѣ монарха. Отсюда понятно, почему Ломоносовъ въ своей поэзіи развиваетъ идеаль монарха, приписывая ему тѣ качества, какія необходимы монарху, чтобы подъ его властію народъ процвѣталъ и въ матеріальномъ и въ духовномъ отношеніи. Во многихъ одахъ мы находимъ главнымъ содержаніемъ мысль о благѣ и счастіи народа и указаніе условій, при которыхъ возможно движеніе къ этому счастію. Однимъ изъ этихъ условій является щедрость и доброта монарха, ибо тамъ, гдѣ власть сосредоточена въ однѣхъ рукахъ, щедрость монарха много значитъ въ дѣлѣ примѣненія науки къ народной жизни. И многія оды Ломоносова имѣютъ ту цѣль, чтобы направить щедроты монарха на развитіе въ отечествѣ наукъ, какъ необходимыхъ для народнаго счастья. Полагая счастье народа въ развитіи просвѣщенія, поэтъ, конечно, не могъ восхвалять военные подвиги и хвалить миръ, какъ условіе процвѣтанія страны. Онъ не настраивалъ своей лиры на боевой ладъ и, оправдывая только ту

войну, которая нужна для защиты отечества, ставить монархамъ въ похвалу заботу о мирѣ. Такъ Ломоносовъ посредствомъ поэзіи выполняетъ свою просвѣтительную задачу предъ отечествомъ; не просто воскуряетъ фиміамъ передъ властями, а направляетъ ихъ и возбуждаетъ ихъ мысль и чувства въ желательномъ ему направленіи—на благо и счастье дорогого ему народа.

Велики заслуги Ломоносова въ области языка и литературы, но онѣ недостаточны для того, чтобы дать намъ понять все величіе Ломоносова. Не уяснится весь Ломоносовъ и тогда, когда мы къ литературнымъ сочиненіямъ прибавимъ труды по естествознанію, они, безспорно, цѣнны, равняютъ его съ современными ему западно-европейскими учеными, но мы не найдемъ въ нихъ такихъ открытій, которыя бы проложили новые широкіе пути въ наукѣ, произвели бы въ ней цѣлый переворотъ. Истинное величіе Ломоносова уяснится намъ только тогда, когда мы будемъ изучать его не по спеціальнымъ отраслямъ знанія, а когда возьмемъ его въ совокупности всѣхъ его трудовъ въ связи съ его жизнію и той идеей, съ которой онъ всюду является и въ своихъ сочиненіяхъ и въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ. Величіе Ломоносова опредѣляется не только тѣмъ, что онъ поэтъ и ученый, но и тѣмъ, что онъ первый поднялся на высоту западно-европейской науки въ полномъ ея объемѣ, что онъ первый у насъ европейски просвѣщенный человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неустанный борецъ за просвѣщеніе въ русской землѣ.

Характерную черту Ломоносова составляетъ усвоеніе имъ въ полномъ, цѣльномъ видѣ западно-европейскаго научнаго міровоззрѣнія. Этимъ онъ является завершителемъ того, къ чему стремилась реформа Петра Великаго. Петръ Великій реформировалъ Россію, положивъ начало не только новому періоду гражданской жизни, но и далъ прочное начало новому, научному міровоззрѣнію. Онъ выступилъ на арену исторической дѣятельности съ высокимъ идеаломъ царя, какой выработался еще въ прежнее время,—идеаломъ, въ которомъ соединились всѣ силы народа, сосредоточились всѣ силы государства. Теперь онъ хочетъ овладѣть новою силою, европейскою наукою, тѣмъ, чѣмъ силенъ западъ, и явится западно-европейскимъ государемъ. Онъ ставитъ себѣ задачей усвоить свѣтскую западно-европейскую

науку; во имя ея совершаетъ преобразование государства. Стремясь приложить науку къ жизни,—а этимъ приложеніемъ особенно дорожилъ великій реформаторъ,—онъ производитъ огромную ломку жизни. При немъ западная наука являлась къ намъ служить въ образѣ иностранныхъ генераловъ, моряковъ, инженеровъ, рудокоповъ и вообще разныхъ мастеровъ, которые за известное вознагражденіе обязывались свои техническія познанія приложить къ потребностямъ русской жизни. Слѣды науки всюду обнаружались, но самой науки еще не существовало. Петръ Великій заводитъ школы, но онѣ носятъ профессиональный характеръ и имѣютъ цѣлью завести собственныхъ разнаго рода мастеровъ, а не приготовить людей для свободнаго занятія наукою.—Петръ Великій приказываетъ переводить разнаго рода научныя книги: географическія, астрономическія, историческія, этимъ онъ старается провести въ сознаніе русскихъ людей новыя понятія, которыя давала свѣтская наука. Но понятія усвоились отрывочно, поверхностно, новое укладывалось въ головахъ рядомъ со старымъ, не образуя съ нимъ гармоническаго цѣлаго. Къ концу царствованія царь догадался завести учрежденіе, гдѣ бы развивалась свободная наука—явилась Академія Наукъ у насъ со штатомъ иноземныхъ ученыхъ, представлявшихъ особую группу людей, не имѣвшихъ ничего общаго съ окружающею ихъ средою русскаго общества. Они начали писать свои сочиненія по-латыни, по-нѣмецки, такъ какъ не знали русскаго языка, къ тому же на русскій языкъ и невозможно было передать содержаніе ихъ сочиненій по недостатку техническаго языка. Упрекали Петра Великаго за эту Академію Наукъ, такъ какъ она у насъ была явленіемъ совершенно чуждымъ, но упреки не справедливы; иначе нельзя было ему поступить; нужно было пригласить иноземныхъ ученыхъ, но нельзя было требовать, чтобы они тотчасъ превратились въ русскихъ. Требовалось только позаботиться о томъ, чтобы приглашенные иноземцы имѣли русскихъ учениковъ, которые бы потомъ образовали кадръ русскихъ ученыхъ. Объ этихъ то ученыхъ и мечталъ Петръ Великій; по сему при Академіи Наукъ и были учреждены университетъ и гимназія. Первые русскіе ученые стали образовываться подъ вліяніемъ иностранныхъ ученыхъ. И дѣйствительно, ученый Тредьяковскій—питомецъ Парижскаго университета, Ломоносовъ—ученикъ зна-

менитаго Христіана Вольфа, питомецъ Марбургскаго университета. Такимъ образомъ западно-европейская наука усвоилась медленно, окладъ новыхъ понятій, характеризующихъ міровоззрѣніе европейца, проникалъ въ умы русскихъ людей съ трудомъ. «Прочный камень науки могъ быть положенъ только тогда, когда ея содержаніе было бы принято не на вѣру, не изъ подражанія, не подъ давленіемъ чужого авторитета, а самостоятельно продумано и усвоено умомъ, способнымъ къ независимому изслѣдованію, и вошло въ его собственную природу» (Пыпинъ). Въ первый разъ такое именно усвоеніе мы и видимъ въ Ломоносовѣ: онъ первый нашъ ученый въ европейскомъ смыслѣ; онъ первый водворилъ въ насъ истинный смыслъ просвѣщенія въ томъ объемѣ, въ какомъ оно было выработано усиліями многовѣковой европейской, или, лучше сказать, общечеловѣческой науки,—въ этомъ его огромная историческая заслуга. То, къ чему стремился Петръ Великій, впервые вполнѣ осуществилось въ Ломоносовѣ; послѣдній—воплощеніе помысловъ царя о европейской наукѣ; онъ—первое полное рѣшеніе задачи, поставленной Россіи новымъ періодомъ русской исторіи.

Усвоивъ западную науку, Ломоносовъ не сталъ въ отрицательное отношеніе къ тому принципу, какимъ жила до-петровская Русь—къ началу религіозности. Въ немъ гармонически сочетались основы древняго и новаго міровоззрѣнія. При своей истинно-европейской просвѣщенности онъ былъ человѣкомъ глубокой религіозности. Эта религіозность засвидѣтельствована многими его сочиненіями, особенно духовными одами. Въ минуту душевной невзгоды онъ нерѣдко обращался къ Св. Писанію и свою умиленную имъ душу изливалъ въ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, отличающихся живымъ религіознымъ чувствомъ. Природу онъ созерцаетъ при свѣтѣ религіозной мысли. Вспомнимъ его вечернее и утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ, особенно первое, гдѣ поэтъ является передъ нами не только глубокимъ ученымъ, стоящимъ на вершинѣ современнаго ему научнаго знанія, но и религіознымъ мыслителемъ, человѣкомъ цѣлостно настроеннымъ, безъ всякой тѣни скептицизма. Такъ Ломоносовъ представляетъ собою образъ ученаго, въ которомъ свѣтское знаніе и религіозность находятся между собою не въ противорѣчій, а въ примиренномъ видѣ.

Авторитетъ Ломоносова, какъ ученаго, былъ великъ; имя его вызвало почетъ и уваженіе не только въ 18, но и въ 19 вѣкѣ. Ученость его была засвидѣтельствована и иностранными и русскими учеными. Но онъ былъ не только профессоръ химіи, знавшій свою лабораторію и академію, но и общественный дѣятель. Всякій общественный дѣятель стремится къ извѣстной цѣли, имѣетъ свою программу; такую программу имѣетъ и Ломоносовъ и изложить ее можно въ такихъ чертахъ. Нужно работать на пользу народа; матеріальное благосостояніе народа тѣсно связано съ его духовнымъ просвѣщеніемъ. Основой этого матеріальнаго благосостоянія являются тѣ огромныя богатства, которыя находятся на поверхности и въ нѣдрахъ земли, занимаемой русскимъ народомъ. Но къ этимъ богатствамъ нужно подойти съ руками, вооруженными наукой. Нужно распространить науку, нужно создать лицъ, которыя разрабатывали бы ее. Отсюда проповѣдь науки и призывъ къ русскимъ юношамъ отдать себя на служеніе наукѣ и народному благу. Наука и благо народа—вотъ та идея, которая наполняла все существо Ломоносова, во имя которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Мыслию о наукѣ опредѣляются его отношенія къ Петру Великому. Для него Петръ Великій былъ великъ какъ насадитель въ Россіи западно-европейской науки; онъ для него—примѣръ, образецъ, достойный подражанія, идеаль. Петръ Великій всегда стоялъ предъ его духовными очами; о немъ всегда Ломоносовъ говорилъ съ восторгомъ, съ неподдѣльнымъ паѳосомъ, не по официальной обязанности, а по душевному расположенію; ставилъ его въ постоянный образецъ его преемникамъ и славу послѣднихъ видѣлъ только въ той дѣятельности—которая направлена къ поддержанію «насажденія Петрова». О наукѣ Ломоносовъ часто говорилъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Каждый годъ Ломоносову нужно было написать одну или двѣ похвальныхъ оды для прославленія правящихъ лицъ. И почти всегда онъ пользовался случаемъ, чтобы напомнить имъ о наукахъ, чтобы подвигнуть ихъ къ щедротамъ, отъ которыхъ была бы польза просвѣщенію. И тѣ мѣста одъ, гдѣ рѣчь идетъ о наукахъ, менѣе напыщены и громозвучны и отличаются теплымъ, живымъ чувствомъ. О наукѣ Ломоносовъ постоянно говоритъ и въ своихъ сочиненіяхъ по естествознанію. Основныя идеи его таковы: науки полезны, науки согласны съ религіей и не

опасны, для нея. Онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы убѣдить въ этомъ русское общество. Невѣжественное общество косо смотритъ на науку. Одни не въ состояніи оцѣнить чистой науки; имъ доступно только пониманіе науки въ практическомъ приложеніи ея къ жизни,—таковымъ Ломоносовъ говоритъ о пользѣ разнаго рода научныхъ знаній. Другіе суевѣрно относятся къ наукѣ, считаютъ ее опасной для чистоты религіи, да и вообще изслѣдованіе природы считаютъ чѣмъ-то богопротивнымъ, дерзкимъ покушеніемъ проникнуть въ область того, что должно быть сокрыто отъ человѣка. Таковымъ Ломоносовъ говорилъ о томъ, что наука и религія—дружныя родныя сестры и изслѣдованіе природы углубляетъ религіозное сознаніе и чувство. Въ академіи былъ обычай устраивать торжественныя засѣданія въ высокоторжественные дни съ приглашеніемъ публики. Въ этихъ собраніяхъ произносились академиками рѣчи, между которыми особенно выдѣлялись рѣчи Ломоносова. Въ такихъ торжественныхъ случаяхъ были произнесены слова о пользѣ химіи, о воздушныхъ явленіяхъ, о происхожденіи свѣта, о рожденіи металловъ. Тутъ Ломоносовъ, разъясняя научныя истины, въ то же время доказываетъ и пользу наукъ, соединяя ихъ съ патріотическими цѣлями и стремленіями. О совмѣстимости же науки и религіи особенно обстоятельно говоритъ Ломоносовъ въ разсужденіи подъ заглавіемъ: «Явленіе Венеры на солнцѣ наблюденное 26 мая 1761 года».

Ломоносовъ считался въ свое время великимъ ораторомъ. Памятникомъ его ораторскаго искусства являются 2 слова—Петру Великому и Елизаветѣ Петровнѣ; они, какъ и оды, написаны высокимъ слогомъ; въ нихъ та же проповѣдь науки и ея служенія россійскому государству.

Защитой науки Ломоносовъ примыкаетъ къ тѣмъ писателямъ, которые открываютъ собою начало новой, послѣ-петровской литературы. Наука входитъ въ неизмѣнное содержаніе новой литературы; во имя ея обличаются недостатки русскаго общества; во имя ея ожидается обновленіе русской жизни, и Теофанъ Прокоповичъ, и Кантемиръ, и Татищевъ не разъ выступаютъ на защиту новой науки и доказываютъ и пользу ея и ея совмѣстимость съ религіей. Ломоносовъ продолжаетъ ихъ дѣло и является самымъ замѣчательнымъ борцомъ за интересы просвѣ-

щенія въ 18 вѣкѣ. Въ академіи онъ боролся всю жизнь съ «непріятелями наукъ россійскихъ», а въ обществѣ старался разсѣвать невѣжество и суевѣріе, доставшееся русскому человѣку, какъ наслѣдіе старины.

Прибавимъ къ этому, что съ именемъ Ломоносова связано основаніе Московскаго университета, перваго самостоятельнаго русскаго университета. Ломоносовъ хлопоталъ также объ отдѣленіи отъ академіи Петербургскаго университета. Вся жизнь Ломоносова была подвигомъ, достойнымъ благодарности потомства.

Пусть многое въ дѣятельности Ломоносова имѣетъ только историческое значеніе: миновала слава его, какъ поэта; многія его сочиненія остались еще неизданными доселѣ, иныя отошли въ область исторіи, потерявъ свое значеніе. Но есть черты, по которымъ онъ еще живъ для нашего времени. Какъ истинный патріотъ, какъ искренній другъ русскаго народа, какъ борецъ за науку, онъ близокъ къ намъ и въ настоящее время.

Когда то съ надеждою и упованіемъ обращался Ломоносовъ къ русскому юношеству съ бодрымъ призывомъ послужить нуждамъ отечества. Эти же слова могутъ быть обращены и къ современному юношеству:

Дерзайте—нынѣ ободренны
 Раченьемъ вашимъ показать,
 Что можетъ собственныхъ Платоновъ
 И быстрыхъ разумовъ Невтоновъ
 Россійская земля раждать.

Захарій Курдиновскій.

Епархіальная хроника.

Въ субботу 19-го ноября всенощное бдѣніе въ крестовой архіерейсаго дома церкви совершилъ о. В. Спинеи, бывшій учитель училища при Гербовецкомъ монастырѣ, въ сослуженіи іеродіакона о. Симона. На богослуженіи послѣ «Хвалите имя Господне», Преосвященный Гавріиль совершилъ кажденіе св. иконъ. На всенощномъ бдѣніи пѣлъ архіерейскій хоръ.

Въ воскресенье, 20-го ноября, Божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Преосвященный Никодимъ Епи-

скопъ Аккерманскій въ сослуженіи соборнаго духовенства. Послѣ запричастнаго стиха архіерейскій хоръ, подъ управленіемъ священника—регента о. М. Березовскаго пропѣлъ концертъ. Предъ окончаніемъ литургіи Преосвященный Никодимъ произнесъ поученіе на Евангельскую тему. Въ соборѣ было много молящихся.

Въ воскресенье 20-го ноября, наканунѣ праздника Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы всенощное бдѣніе въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Преосвященный Никодимъ въ сослуженіи соборнаго духовенства. На богослуженіи пѣлъ архіерейскій хоръ.

Въ тотъ-же день, вечеромъ, всенощное бдѣніе въ домовоі церкви при Епархіальномъ женскомъ училищѣ совершилъ Преосвященный Гавріиль Епископъ Измаильскій, при пѣніи хора ученицъ Епархіальнаго училища.

Въ понедѣльникъ, 21-го ноября, въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы Божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Преосвященный Гавріиль, Епископъ Измаильскій въ сослуженіи соборнаго духовенства. За литургіей былъ рукоположенъ окончившій курсъ духовной семинаріи Василій Жуковъ. Послѣ запричастнаго стиха архіерейскій хоръ подъ управленіемъ о. М. Березовскаго пропѣлъ концертъ «Милосердія двери отверзи», муз. Кастальскаго. Предъ окончаніемъ литургіи Преосвященный Гавріиль сказалъ поученіе.

Въ тотъ-же день Божественную литургію, по случаю храмоваго праздника въ домовоі церкви при Епархіальномъ женскомъ училищѣ совершилъ Преосвященный Никодимъ, Епископъ Аккерманскій.

Къ дѣятельности Епархіальнаго миссіонера-проповѣдника, священника Θεодосія Кирики.

1-го октября, вечеромъ, въ зданіи семинаріи для учениковъ старшихъ классовъ состоялась противосектантская лекція на тему: «Современные способы пропаганды сектантовъ рационалистовъ».

Съ 2—4 октября включительно было формальное слѣдствіе надъ игуменомъ Цыганештскаго скита о. Θεодосіемъ, въ виду причастности его къ балтскому психозу среди молдавскаго населенія Бессарабіи.

Съ 7—8 октября. Разслѣдованіе о постройкѣ якобы «чудо-творнаго» колодца въ с. Горешты, Кишиневск. уѣзда.

8 октября. Митрополія. На всенощномъ бдѣніи—поученіе:

«Христiанскій бракъ и рѣшенiе его въ современной русской литературѣ», особенно въ «Живомъ Трупѣ» Л. Толстого.

13 октября. Разслѣдованiе о балтскомъ психозѣ въ д. Геллаузы, прихода с. Рѣчи, Кишин. уѣзда.

15 октября. Семинарiя. Вечеромъ для учениковъ старшихъ классовъ—противосектантская лекцiя на тему: «Современные способы пропаганды хлыстовъ».

16 октября, въ Чуфлинской школѣ г. Кишинева, съ 3 час. пополудни до 8 час. вечера,—бесѣда съ сектантами-баптистами о «Церкви Христовой» и по другимъ вопросамъ.

22 октября. Семинарiя. Вечеромъ для учениковъ старшихъ классовъ—противосектантская лекцiя на тему: «Современные способы пропаганды iоаннитовъ».

23 октября, очередная проповѣдь въ кафедральномъ соборѣ на тему: «Св. Библия и ея значенiе для человѣчества».

23 октября. Чуфлинская церковь, съ 3 час. пополудни до 6 час. вечера,—публичная бесѣда съ сектантами-баптистами о «спасающей благодати». Сектанты были всѣ. Было много слушателей. Возражалъ главарь Ивановъ, но такъ неудачно, что остался положительно безотвѣтенъ, чѣмъ къ радости православныхъ обнаружилъ все убожество и еретичество своей баптистской общины.

29 октября. Митрополiя. На всеношномъ бдѣнiи поученiе на тему: «Характеристика баптизма съ социальной и религиозной точки зрѣнiя».

29 октября. Семинарiя. Вечеромъ для учениковъ старшихъ классовъ противосектантская лекцiя на тему: «Церковныя мѣры противодѣйствiя сектантамъ».

31 октября. Пастырское собранiе духовенства въ г. Оргѣевѣ 2-го благочинническаго округа. Прибыло, во главѣ съ о. благочиннымъ Константиномъ Модваломъ, 16 священниковъ, 1 дiаконъ и 8 псаломщиковъ. Собранiе открыто съ 12 час. дня до 3½ ч. въ аудиторiи народной трезвости. Собранiе широко ознакомлено съ общимъ состоянiемъ русскаго сектантства и мѣрами противодѣйствiя ему. Предложены съ 6 час. веч. до 11 час. ночи собранiю методическiя противосектантскiя бесѣды о Церкви Христовой (по составу и свойствамъ) и спасающей благодати. Удѣлено было должное вниманiе статьѣ въ «Странникѣ» т. г. (сен-

тябрь) по вопросу о лучшемъ обеспеченіи духовенства. Въ годовомъ своемъ отчетѣ коснусь ее подробно.

1-го ноября, съ 8 часовъ до 11 утра,, собраніе было ознакомлено съ исторією адвентизма и лжеученіемъ его о томъ, что душа смертна и уничтожима. Дана широкая православная апологія безсмертія души. По окончаніи собранія духовенство тепло выражало благодарность за вниманіе къ нуждамъ епархіи со стороны многопопечительнаго архипастыря Преосвященнѣйшаго Серафима, такъ вѣрно идущаго на встрѣчу запросамъ и желаніямъ духовенства ко благу Бессарабской паствы. Духовенству рекомендована литература по сектовѣдѣнію.

5 ноября. Митрополія. На всенощномъ бдѣніи поученіе на тему: «Личность Высокопреосвященнѣйшаго Антонія Волынскаго и смыслъ покушенія на него».

6 ноября. Каѳедральный соборъ. Поученіе на тему: «Покушеніе на Архіепископа Антонія Волынскаго, какъ общественнаго и церковнаго дѣятеля».

16 и 17 ноября состоялся епархіальный съѣздъ въ г. Кишиневѣ окружныхъ противосектантскихъ миссіонеровъ. Прибыли, за исключеніемъ 4, всѣ миссіонеры. Доклады миссіонера о. Кирики прослушаны съ глубокимъ вниманіемъ. Умно-придуманый словесный докладъ предложилъ съѣзду о. А. Арвентьевъ на тему о «Живой Церкви». Были и другіе докладчики. Протоколы съѣзда, по утверждениі, будутъ напечатаны, чѣмъ будетъ ознакомлена съ съѣздомъ вся епархіа. Преосвященнѣйшій Серафимъ осчастливилъ съѣздъ такою телеграммой: «Прошу Ваше Преосвященство передать миссіонерскому съѣзду мое благословеніе и увѣренность, что любовь къ Богу и Христовой православной Церкви воодушевитъ ихъ усердіе и рвеніе къ пастырской миссіонерской дѣятельности. Всѣмъ мой привѣтъ и братскій поклонъ».

По закрытіи съѣзда, Преосвященнымъ Никодимомъ послана Преосвященнѣйшему Серафиму такая телеграмма отъ имени съѣзда: «Съѣздъ, закончивъ свои труды, приноситъ Вашему Преосвященству глубокую благодарность за созваніе и благословеніе и за опытнаго миссіонера, много и съ пользой потрудившагося для съѣзда».

◆ Въ субботу, 26-го ноября, въ день св. Георгія побѣдоносца по случаю праздника Георгіевскихъ кавалеровъ, боже-

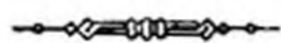

ственную литургію въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Преосвященный Гавріиль, епископъ Измаильскій, въ сослуженіи полковыхъ священниковъ мѣстныхъ полковъ и соборнаго духовенства. По окончаніи литургіи былъ совершенъ молебенъ св. Великому ченику Георгію съ провозглашеніемъ многолѣтія. Богослуженіе совершалось при пѣніи архіерейскаго хора подъ управленіемъ священника—регента о. М. Березовскаго. Въ соборѣ въ этотъ день присутствовали офицеры и нижніе чины полковъ мѣстнаго гарнизона во главѣ съ начальникомъ дивизіи генераломъ Іевреиновымъ. По окончаніи богослуженія, на соборной площади состоялся парадъ частямъ войскъ 14-й дивизіи.

Въ тотъ-же день, всенощное бдѣніе въ крестовой архіерейскаго дома церкви совершилъ Преосвященный Гавріиль въ сослуженіи монашествующихъ. На богослуженіи, послѣ слова Преосвященнаго Гавріила къ присутствовавшимъ молящимся, былъ произведенъ сборъ пожертвованій въ пользу дома трудолюбія, который за послѣднее время время особенно нуждается въ средствахъ. На богослуженіи пѣлъ архіерейскій хоръ.

◆ Въ воскресеніе, 27-го ноября, Божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ совершили Преосвященный Никодимъ и Преосвященный Гавріиль, въ сослуженіи соборнаго духовенства. За литургіей былъ рукоположенъ въ санъ діакона псаломщикъ Николаевской церкви гор. Оргѣева, Андрей Маринеско. Послѣ запричастнаго стиха архіерейскій хоръ подъ управленіемъ о. М. Березовскаго очень хорошо пропѣлъ концертъ «Внуши, Боже молитву мою», муз. А. Архангельскаго. По окончаніи литургіи Преосвященный Никодимъ, бывшій епископъ Аккерманскій, теперь же назначенный викарнымъ Кіевской епархіи, прощался предъ отъѣздомъ на мѣсто новаго служенія, со своей бывшей паствой. Послѣ рѣчи къ присутствовавшимъ молящимся, во время которой Преосвященный Никодимъ, едва сдерживалъ слезы, не дававшая ему возможность продолжать рѣчь, благословилъ всѣхъ присутствовавшихъ. Многіе молящіеся плакали. Подробно о прощаніи Преосвященнаго Никодима въ слѣдующемъ номерѣ.

Въ тотъ-же день, въ крестовой архіерейскаго дома церкви акаѳистъ предъ чудотвѣрной иконой Гербовецкой Божьей Матери читалъ Преосвященный Никодимъ, епископъ Чигиринскій. На акаѳистѣ пѣлъ архіерейскій хоръ, подъ управленіемъ о. М. Березовскаго.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, НАУКИ И ЛЕТЕРАТУРЫ

VI-й годъ. **ХРИСТИАНИНЪ** VI-й годъ.

ЖУРНАЛЪ ВСТУПАЕТЪ ВЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИГАМИ,

на хорошей бумагѣ, съ иллюстраціями,

ПРИ ДѢЯТЕЛЬНОМЪ УЧАСТІИ

ИЗВѢСТНЫХЪ НАУЧНЫХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СИЛЪ,

выдающихся церковно-общественныхъ дѣятелей.

Смолкла прежняя буря, но на мѣсто ея стала другая буря, болѣе страшная и разрушительная. Настала пора борьбы не бомбъ, пушекъ и браунинговъ, а борьбы убѣжденій, борьбы душъ, борьбы духовъ. Это всегда, во вѣки вѣковъ, была самая жестокая борьба. И посмотрите, какъ дѣйствительно жестока теперь она. Убить вѣрный слуга Государя, первый министръ П. А. Столыпинъ. Съ высоты законодательныхъ трибунъ раздаются открытые голоса съ уравниеніи всѣхъ исповѣданій. Хотятъ уничтожить церковную школу. Итакъ, значитъ жизнь и смерть, Христось, Будда, Магометъ, правда и кривда все одно и то же. Въ сѣверной столицѣ построили уже идольское капище. Научная литература полна отрицанія самыхъ жизненныхъ основъ христіанства. Изящная литература, въ лицѣ своихъ мнимыхъ руководителей и наставниковъ, теперь часто не умѣетъ различить даже добра отъ зла, все смѣшавъ въ неразбериху. А практическая жизнь?.. Не будемъ говорить о ней, потому что она у всѣхъ насъ предъ глазами. Говорятъ даже о новой разрушительной революціи...

Когда меркнутъ свѣточы, маяки, руководящіе огни и огоньки, когда рушатся устои, тогда неминуемо все должно близиться къ глубокой безднѣ паденія и разрушенія. Простое челоуѣколюбіе только вынуждаетъ тогда всякаго христіанина выдти посильно на защиту руководящихъ вѣчныхъ началъ жизни, устоевъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на защиту глубоко страдающихъ людей.

Этому и будетъ служить нашъ журналъ.

Добрая репутація журнала поставившаго своею задачею служеніе

великому дѣлу «христіанизаціи» современнаго общества и защиты Христова ученія отъ современныхъ нападокъ на него съ разныхъ сторонъ, настолько упрочилась за пять лѣтъ существованія журнала, что Редакція, въ настоящій новый годъ изданія, считаетъ совершенно излишнимъ рекомендовать себя обществу и повторять еще разъ свою программу, которая остается безъ всякой перемѣны. Мы напоминаемъ здѣсь нашимъ читателямъ лишь только о томъ, что мы по прежнему всегда будемъ стараться быть *другомъ утѣшителемъ, спутникомъ* cadaго христіанина въ его жизни на землѣ.

Въ теченіе года «Христіанинъ» дастъ своимъ подписчикамъ:

1. 12 книжекъ журнала около 3000 стран.

2. 60 СТРАНИЦЪ ЕВАНГЕЛІЯ.

СПЕРДЖОНА.

(Перев. съ Англійскаго). Около 400 стр.

Евангеліе—вѣчная книга. Ни одна изъ книгъ, появившихся на землѣ въ теченіе временъ, изъ подъ какого бы тѣра она не выходила, не была такъ жизненно долговѣчна, какъ Евангеліе, какъ слово Христово Евангеліе—основа всей нашей жизни. Отъ перваго шага до послѣдняго, отъ первыхъ годовъ нашей сознательной жизни и вплоть до послѣдняго вздоха, все въ нашей жизни должно быть построено на основѣ Евангелія. Все, что противно Евангелію, противно и Христу и должно быть всегда чуждо и далеко отъ насъ.

Отчужденіе отъ Евангелія и замѣна его велѣніями холоднаго разсудка, господствующее въ настоящее время среди всѣхъ народовъ, создаетъ такой укладъ жизни, который не только чуждъ завѣтовъ Христа, но и не носитъ на себѣ даже слѣдовъ христіанства.

Современные люди глубоко виноваты предъ Христомъ въ томъ, что они забыли Его ученіе. Раскрыть страницы безсмертнаго ученія Христа Спасителя не во свѣтѣ «археологіи», не во свѣтѣ давно минувшихъ дней, а во свѣтѣ «злобы» нашихъ дней—вотъ задача предлагаемаго нами нашимъ читателямъ сочиненія. Авторъ раскрываетъ предъ читателями на каждой страницѣ своего сочиненія весьма простую и въ то же время великую истину: «какъ бы поступилъ Христосъ, если бы былъ на нашемъ мѣстѣ».

Благодаря этому Христосъ Спаситель является предъ нами не какъ Учитель давно жившихъ своихъ непосредственныхъ слушателей, а какъ нашъ Учитель, живущій среди насъ и въ наше время. Въ этомъ—цѣнность, прелесть предлагаемаго нами нашимъ читателямъ сочиненія.

3. РАЙСКІЙ ЦВѢТОКЪ СЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

П. Ѡ. Новгородскаго.

Литература нашего времени наводнена безчисленнымъ множествомъ изображеній различныхъ героевъ, которые зовутъ людей на просторъ свободы и сулятъ всѣмъ счастье. Но большинство мечтаній этихъ героевъ или измышлено въ тишинѣ роскошныхъ кабинетовъ, вдали отъ жизни и правды жизни, или нарисовано въ такомъ духѣ и тонѣ, въ которыхъ и самый внимательный читатель не найдетъ никакого отзвука ученія Христа Спасителя. Эти мнимые, вымышленные герои не свѣтъ и миръ несутъ въ родную землю, а одни лишь слезы и необозримыя страданія.

Предлагая вышеназванное сочиненіе, мы хотимъ дать нашимъ читателямъ рядъ подлинныхъ героевъ, героевъ не «бумажныхъ», не «кабинетныхъ», а дѣйствительныхъ, героевъ не «чуждыхъ» намъ воззрѣній, а героевъ, воспитавшихся на ученіи Христа, героевъ не чужихъ земель, а героевъ нашей родной земли, героевъ, воспитавшихся подъ нашимъ небомъ, среди нашихъ условій жизни, героевъ намъ понятныхъ, близкихъ и родныхъ.

Какъ же цѣнна и дорога должна быть книга, указывающая въ наши тяжелые, смутные, темные дни, куда намъ нужно итти, чтобы служить и землѣ и небу вѣрой и правдой.

Сочиненіе «Райскій цвѣтокъ» можетъ быть прекрасной книгой и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ храмѣ.

4. СВ. АПОСТОЛЪ ЕВАНГЕЛИСТЪ ІОАННЪ БОГОСЛОВЪ. ЕГО ЖИЗНЬ И БЛАГОВѢСТНИЧЕСКІЕ ТРУДЫ.

Епископа Евдокима.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ. Т. II.

Для кого изъ насъ годы земной жизни Христа Спасителя не были годами, полными такой неземной чарующей прелести? Кто изъ насъ не слѣдилъ съ трепетнымъ сердцемъ за судьбами Христова ученія послѣ того, какъ оно выступило въ открытую борьбу съ языческимъ міросозерцаніемъ и укладомъ жизни. Авторъ предлагаемой книги дѣлаетъ попытку живо, художественно и, по возможности, научно воспроизвести предъ читателемъ исторію земной жизни Христа Спасителя и Его любимѣйшаго ученика, Апостола любви, Іоанна Богослова. Прочитать эту книгу — значитъ пережить лучшія страницы священной и первохристіанской исторіи

снова. А пережить ихъ—значить еще болѣе углубиться въ смыслъ вѣчнаго Евангелія въ смыслъ постепенно раскрывающейся правды Божіей на землѣ, постичь тайну земной жизни всего земного. А углубиться въ смыслъ раскрывающейся правды Божіей на землѣ—значить понять свою собственную жизнь во свѣтѣ вѣчнаго свѣта. А въ этомъ вѣдь все...

5. 12 книжекъ подь названіемъ: „Маленькій Христіанинъ“.

(Отдѣльно отъ журнала 1 руб.). Около 400 стран.

6. 24 листка духовно-нравственнаго содержанія около 150 стр.

За пять лѣтъ своего существованія журналъ успѣлъ сгруппировать около себя много выдающихся работниковъ. Ряды этихъ работниковъ за послѣднее время пополнены выдающимися писателями Запада.

Редакція завалена рукописями, полными глубокаго интереса и жизненности, завалена настолько, что многія изъ нихъ лежатъ уже по два года, ожидая своей очереди. Это даетъ надежду намъ и въ будущемъ году сдѣлать журналъ интереснымъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля съ доставкой и пересылкой въ Россіи; за границу: на годъ 8 руб., на полгода—4 рубля. Отдѣльныя книжки журнала по 75 коп. съ перес.; наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

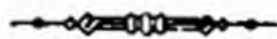
При выпискѣ не менѣе десяти экземпляровъ—II-й высылается бесплатно.

Разсрочка допускается для духовенства и учащаго персонала, прочимъ—по соглашенію.

За перемѣну адреса 20 коп.

Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ, Московск. губ. Редакція журнала „Христіанинъ“.

Редакторъ-Издатель Епископъ Евдокимъ.

Открыта подписка на 1912 годъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Изданіе Училищнаго Совѣта

при Святѣйшемъ Синодѣ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Журналъ «Народное Образование» всецѣло посвященъ разработкѣ вопросовъ народно-школьнаго образованія; задача его ближайшимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать практически разумной, прочно и методически обоснованной постановкѣ дѣла воспитанія и обученія въ церковной и вообще въ русской народной школѣ.

Въ 1912 году журналъ будетъ издаваться по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ: I **Очерки, рассказы, характеристики, воспоминанія изъ школьной жизни.** II. **Статьи по общимъ вопросамъ народнаго образованія.** III. **Статьи по вопросамъ педагогики и дидактики.** IV. **Обозрѣніе русской и заграничной литературы по вопросамъ воспитанія и обученія.** V. **Изъ школьной практики** (практическія указанія по методикѣ учебныхъ предметовъ начальной школы; примѣрные уроки; планы занятій замѣтки по училищевѣдѣнію). VI. **Школьное дѣло на мѣстахъ** (извѣстія сообщенія и замѣтки). VII **Извѣстія учебнаго музея церковныхъ школъ.** VIII. **Изъ переписки съ читателями.** Почтовый ящикъ. IX. **Библиографическій листокъ.** X. **Школьное пѣніе** (статьи о преподаваніи пѣнія; библиографическія замѣтки и ноты).

Кромѣ книгъ журнала подписчики получаютъ въ видѣ отдѣльныхъ приложеній: 1) **ШКОЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ** на 1912—1913 учебный годъ. 2) **Книжки для учительской библіотеки** (содержанія руководственно-педагогическаго) и **Книжки для ученической библіотеки** (дѣтскіе рассказы, сборники стихотвореній). 3) **Ноты для классаго пѣнія.** 4) **Рисунки и снимки съ картинъ.** Многія статьи и книжки (особенно, научнаго содержанія) иллюстрируются рисунками и чертежами. 5) **Учебныя карточки.**

Въ журналѣ принимаютъ участіе А. Анастасіевъ, Н. Бахтинъ, проф. А. Бронзовъ, проф. А. Дмитриевскій, Н. Дрентельнъ, К. Дубровскій, К. Ельницкій, Я. Ковальскій, А. Коринфскій, свящ. А. Кулясовъ, крест. И. Лаптевъ, Кл. Лукашевичъ, П. Лупповъ, А. Налимовъ, Н. Новичъ, И. Полянскій, М. Поповъ-Платоновъ, В. Розенбергъ, Я. Рудневъ, свящ. Е. Сосунцовъ,